

НИВА

Иллюстрированный
Журнал
литературы
политики и современной жизни.

XIV годъ

№ 25

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБѢЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принимаются
по 60 коп. (1
Mark. 70 Pfap. для
загран.) за строку
нонпарель (въ $\frac{1}{4}$
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромѣ
воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.

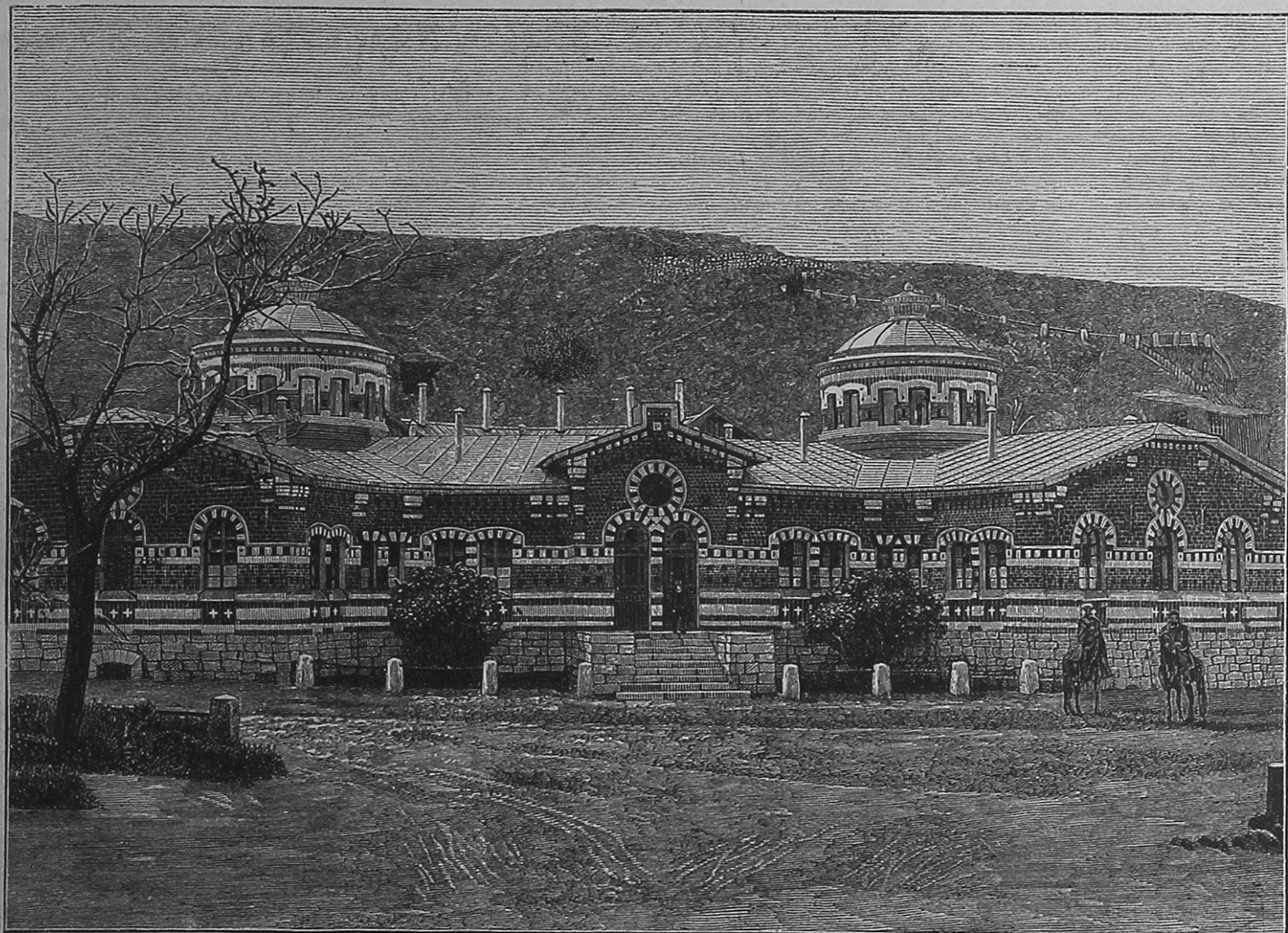
Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при „Нивѣ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
ионг. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

Кавказскія воды. Ермоловскія ванны въ Пятигорскѣ. Съ фот. грав. М. Ращевскій.

Ермоловскія ванны въ Пятигорску.

За Пятигорскомъ установилась уже давняя высокая цѣлебная репутація; въ лѣтній сезонъ къ нему стекаются тысячи больныхъ, ищущихъ излеченія въ его многочисленныхъ источникахъ. Громадная польза, приносимая послѣдними въ разнаго рода болѣзняхъ, несомнѣнна, но не слѣдуетъ забывать, что больной кромѣ минеральной воды лечится еще и другимъ образомъ—прекраснымъ горнымъ воздухомъ и роскошной кавказской природой. Пятигорскія минеральныя воды состоять изъ четырехъ группъ источниковъ: Пятигорской, примыкающей къ горѣ Машукѣ и заключающей въ себѣ сѣрые источники; Желѣзноводской—къ сѣверо-востоку отъ Пятигорска, при горѣ Желѣзной—желѣзистые; Ессентукская группа, состоящая изъ солено-щелочныхъ и сѣро-щелочныхъ источниковъ, и Кисловодская, заключающая въ себѣ угле-кислый ключь Нарзанъ.

Развитіе свое Пятигорскъ получилъ лишь въ началѣ настоящаго столѣтія. Извѣстный путешественникъ Клапротъ въ 1807 году, проѣздомъ черезъ Пятигорскъ, видѣлъ здѣсь одинъ лишь плохо построенный деревянный домъ и одну грубо высѣченную въ скалѣ ванну, вмѣщавшую въ себѣ не болѣе шести человѣкъ. Кромѣ того посѣщеніе водъ не всегда было безопасно и часто больные, на пути къ нимъ, подвергались нападеніямъ хищническихъ горскихъ шакъ. Въ самой же Горячеводской долинѣ возникло нѣсколько построекъ лишь въ 1812 г., которыми и было положено начало нынѣшнему Пятигорску, который съ 1830 года пользуется званіемъ уѣзднаго города. Какъ украшенію города, такъ и развитію цѣлебныхъ водъ особенно способствовали два знаменитыхъ дѣятеля: Ермоловъ и Эмануэль. Первый, осмотрѣвъ въ 1819 году Пятигорскія воды и постройки на нихъ, нашелъ все ветхими и неудобными и тот-

часъ же приступилъ къ устройству новыхъ ваннъ, которыхъ до сихъ поръ, въ честь основателя, носятъ название Ермоловскихъ.

Ермоловскія купальни и зданія, снабжающіяся водою изъ Александровскаго источника, помѣщаются на неправильной четырехугольной площадкѣ. Съ сѣверной и западной сторонъ эта площадка обрывается внизъ очень круто; съ южной же ограничивается вертикальнымъ скатомъ хребта. У юго-западнаго угла: площадки береть начало Ермоловская дорога, ведущая къ подножію горы. Самое зданіе Ермоловскихъ ваннъ деревянное, на каменномъ фундаментѣ, подъ желѣзной крышей. Онѣ раздѣляются на двѣ половины: сѣверную и южную. Всѣ ванны каменные, продолговатой, овальной формы, помѣщаются въ полу комнаты. Рядомъ съ каждой ванной находится особое помѣщеніе для отдыхновенія послѣ купанья. Въ промежуткѣ между восточной стѣною зданія и отвѣсною скалою средняго уступа находится резервуаръ для скопленія водъ. Этотъ резервуаръ выведенъ изъ камня и общая его длина равняется ширинѣ купальнаго зданія, т. е. около сажени. Съ площадки Ермоловскихъ ваннъ ведетъ внизъ довольно крутая, каменная лѣстница къ Николаевскимъ ваннамъ; сверху же, съ площадки открывается прелестнѣйший видъ на городъ, по краямъ котораго эффектно выступаютъ два гиганта—Бештау и Машука. Поднимаясь еще выше, вы встрѣтите бьющую изъ скалы струю Александровскаго источника, а далѣе легко можете пройти на площадку Елизаветинской галлереи и посѣтить знаменитый Лермонтовскій гротъ, гдѣ когда-то бывалъ нашъ поэтъ и гдѣ теперь вспоминаютъ обѣ немъ многочисленные поѣтители и посѣтительницы Пятигорска.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьевъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Борисъ, бродя изъ улицы въ улицу, не чувствуя ни усталости, ни голода, не замѣчая времени, то и дѣло натыкался на какое нибудь проявленіе этого безнечалія и всякихъ жестокостей.

Вотъ раздаются крики, пронзительные женские крики. Двое солдатъ тащутъ какую-то молодую женщину. Она отъ нихъ вырывается.

— Votre bague! Votre bague! кричатъ они,—ou nous la prenons avec le doigt!

Молодая женщина становится передъ ними на колѣни, она заливается слезами, она умоляетъ ихъ прерывающимся голосомъ:

— Ayez pitié de moi, messieurs, prenez tout, prenez tout, laissez moi la bague. Voyez, elle est si simple, mais elle m'est si chère. Ayez pitié de moi, je suis donc votre compatriote!

Но французы не обращаютъ никакого вниманія на слова ея. Вотъ уже одинъ схватилъ ее за палецъ, мигъ—и онъ дѣйствительно ей его отрубить.

Борисъ не могъ вынести этого. Онъ кинулъ къ ней на помощь. Онъ былъ очень силенъ для своихъ лѣтъ; но скоро убѣдился, что ему не сладить съ этими двумя рослыми мушинами.

— Il n'y a rien a faire! задыхаясь крикнулъ онъ молодой женщинѣ,—rendez votre bague a ces infâmes!

Та, видя что не остается уже никакого спасенія, съ громкими рыданіями сняла кольцо. Видно было, что оно ей безконечно дорого. Это было гладкое обручальное кольцо.

Одинъ изъ французовъ жадно схватилъ его, а другой со всего размаха ударилъ Бориса въ спину, такъ что тотъ пошатнулся.

— Et toi, coquin, крикнулъ онъ ему,—tu feras cadeau de ton bonnet à tes compatriotes!

И съ этими словами онъ сорвалъ съ Бориса его шляпу.

Очевидно французы эти надѣялись еще хорошо проживиться въ другомъ мѣстѣ. Они поспѣшили удалились.

Борисъ обратился къ плачущей женщинѣ, спрашивая ее гдѣ она живетъ и предлагая ей проводить ее. Но оказалось, что она живетъ тутъ же рядомъ въ домѣ.

Она съ плачемъ вошла во дворъ приглашая Бориса за собою.

Послѣ борьбы съ французами, помятый ими и изрядно поколоченный, Борисъ чувствовалъ большую усталость, а потому безъ всякихъ разсужденій послѣдовалъ за своей новой знакомой.

Она ввела его въ небольшую, но вѣроятно недавно еще очень мило убранную квартиру. Теперь же по комнатамъ царствовалъ полнѣйший беспорядокъ. Все было перерыто, комоды стояли съ выдвинутыми ящиками, платяной шкафъ тоже.

Француженка, очень недурная женщина лѣтъ двадцати семи, двадцати восьми, вдругъ какъ то черезъ чуръ даже быстро успокоилась. Отчаянное выраженіе на ея лицѣ исчезло, слезы высохли. Она уже улыбалась Борису и говорила скоро, скоро, пріятно картиава и рассказывая ему о томъ, какъ она вышла было изъ дома, желая разузнать не находится ли гдѣнибудь по близости квартира одного изъ французскихъ генераловъ, къ которому она хотѣла обратиться съ просьбой о застѣнничествѣ. И вотъ, только что она вышла изъ воротъ, какъ проходившіе два французскихъ солдата замѣтили на ея рукѣ это кольцо.

Вспомнивъ о кольцѣ она опять было всплакнула, но тутъ же и успокоилась.

— Я не могла надѣть перчатокъ, говорила она,—потому что у меня нѣтъ перчатокъ... Все разграбили! И я одна... меня покинули всѣ друзья, знакомые... всѣ скрылись изъ Москвы.

Она усадила Бориса въ мягкое кресло и продолжала рассказывать.

Она уже шесть лѣтъ какъ въ Россіи. Сначала жила въ Петербургѣ, но теперь вотъ уже четвертый годъ какъ перебралась въ Москву. Она актриса. Ея друзья предлагали ей уѣзжать, но она осталась вопреки ихъ

желаниямъ. Развѣ могла она предвидѣть эти ужасы. Она расчитывала весело провести время въ кругу своихъ соотечественниковъ... И вотъ теперь ограблена, лишена всего достоянія. Три раза врывались къ ней въ квартиру, разграбили все, что только было у нея хоть немного цѣнного—всѣ ея вещи, даже платья, ея шубу. Она не знаетъ, что будетъ теперь дѣлать. Нужно непремѣнно найти генерала, а всего лучше обратиться къ самому императору... онъ долженъ будетъ помочь ей... Но какъ теперь это сдѣлать, она уже боится выйти изъ дома... Эти звѣри способны на всякое насилие... Сначала къ ней ворвались поляки, потомъ нѣмцы. Она такъ перепугалась, что заболѣла.

И вѣдь она одна,—покинутая. Ея кухарка, глупая русская женщина, конечно ничѣмъ не можетъ помочь ей. Да и какъ же было выбраться, когда кругомъ говорить и нѣтъ никакого прохода...

— Я все еще надѣялась на моихъ соотечественниковъ,—говорила она,—грабили поляки, грабили нѣмцы; но французы не могли меня грабить!... И вотъ сегодня вы видѣли... французы, французы отняли у меня то, что было для меня дороже всего!...

— A, monsieur! si vous saviez... cette bague... cette bague! quel souvenir! повторяла она,—et je vous suis tellement reconnaissante!...

— За что-же! печально проговорилъ Борисъ.—Если бы я могъ помочь вамъ, а то вѣдь не помогъ ничѣмъ и только даромъ лишился шляпы и теперь долженъ возвращаться съ непокрытой головой.

— Благодарите Бога, что такъ еще отдѣлились, постаралась она его успокоить.—На васъ ваше платье. Они не выворотили вамъ ваши карманы. По счастью они приняли васъ за француза. Mais vous n'êtes pas franÃ§ais, n'est ce pas?

Но вмѣсто того чтобы ей отвѣтить, Борисъ вдругъ вскочилъ, схватился за голову. Стыдъ, смущеніе, отчаяніе промелькнули на выразительномъ, нѣжномъ лицѣ его.

— Eh bien, mon cher jeune homme, qu'avez vous donc?

— A, mon Dieu, mon Dieu! отчаянно пропшепталъ онъ,— j'aurais pu vous deffendre... Я могъ бы отбить васъ и ваше кольцо, не попало бы оно имъ въ руки... Я сошелъ съума... Я забылъ, что у меня въ карманѣ заряженный пистолетъ, который я и взялъ съ собою для подобнаго случая. Я далъ этимъ негодяямъ ограбить васъ, далъ имъ избить себя!.. Вѣдь они были вооружены, могли защищаться... Я имѣлъ право стрѣлять въ нихъ!...

Онъ повалился въ кресло мучимый стыдомъ и рѣшительно не понимая, какимъ это въ самомъ дѣлѣ обозомъ могъ забыть о своемъ пистолетѣ.

Француженка улыбнулась, подсѣла къ нему, положила ему на плечо свои маленькия красивыя руки и, ласково заглядывая ему въ глаза, стала его успокаивать.

— Не огорчайтесь, говорила она;—все это было такъ быстро, что вамъ легко было забыть. Ну, что же дѣлать, пропало мое кольцо. А вы должны благодарить Бога, что забыли о своемъ пистолетѣ. Помогло ли бы мнѣ это или нѣтъ—еще неизвѣстно. Если бы вы вздумали стрѣлять, они навѣрно бы васъ убили. Вѣдь ихъ было двое, двое сильныхъ, привычныхъ людей. Ахъ, какъ хорошо, что вы забыли! Вы и такъ меня отчаянно защищали... Вы храбрый молодой человѣкъ... очень храбрый. И вотъ у меня большая къ вамъ просьба—вѣдь вы исполните ее? да, конечно исполните, у васъ доброе сердце!

Она еще ласковѣе глядѣла на него, гладила его волосы.

— Останьтесь со мною пока свѣтло! Еслибы вы знали, какъ я боюсь и какъ нуждаюсь въ защитѣ. Я теперь ни за что, ни за что не рискну выйти, а вѣдь

они могутъ сюда прийти, что я тогда сдѣлаю? Будьте моимъ защитникомъ!

Она говорила такимъ нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ. Она дѣйствительно была перепугана.

— Вѣдь они весь день бродятъ, а когда начинаетъ смеркаться—исчезаютъ.

Борисъ забылъ свое положеніе, забылъ все и сказалъ, что такъ какъ она дѣйствительно нуждается въ его присутствіи, то онъ остается.

Живая француженка совсѣмъ развеселилась. Она тотчасъ же сообразила, что ея молодой защитникъ долженъ быть голоденъ, позвала свою кухарку, спросила что есть съѣстнаго. Съѣстнаго оказалось немного, но все же достаточно, чтобы насытиться. Былъ хлѣбъ, были кое-какія овощи, нашелся даже кусокъ холодной говядины.

Француженка сама, своими маленькими хорошенъкими ручками, смастерила обѣдъ для своего защитника. И болтала, болтала, переходя съ одного предмета на другой, ужасаясь, доходя до полнаго отчаянія—и потомъ сейчасъ же развеселяясь, начиная даже смѣяться.

Борисъ кажется никогда еще не бѣль съ такимъ аппетитомъ. Время проходило незамѣтно. Вотъ стало и смеркаться. Онъ пришелъ наконецъ въ себя. Онъ понялъ, что такое надѣлъ. Ясно представлялъ себѣ, какъ должны беспокоиться о немъ дома. Онъ увѣрялъ француженку, что не можетъ болѣе у нея оставаться. Просилъ ее послѣ его ухода хорошенько запереться и дать ей слово, что на другой день утромъ она будетъ въ безопасности. Онъ попросить о ней французскаго генерала, который стоитъ у нихъ въ домѣ. Генералъ этотъ самый любезный человѣкъ и, конечно, не оставитъ въ такомъ положеніи свою соотечественницу.

— Какъ же вы пойдете безъ шляпы? говорила француженка,—а вѣдь у меня нѣтъ никакой шляпы. Я ничего не могу дать вамъ.

— Не бѣда, отвѣчалъ Борисъ,—теперь темно, меня никто не увидитъ.

Француженка даже подѣловала его на прощеніе.

Онъ вышелъ и пустился бѣжать.

„Ахъ, что то тамъ у насъ!? Что они теперь думаютъ? что будетъ?!“ мучительно думалось ему.

И онъ еще прибавилъ шагу. Онъ боялся заблудиться посреди этихъ развалинъ, въ темнотѣ, которая должна была скоро наступить.

На улицахъ почти никого не было. Вечеръ былъ ясный, но довольно холодный.

Вдругъ онъ услышалъ отчаянный крикъ:

„Спасите! спасите!“

Голосъ былъ дѣтскій, звонкій, пронзительный; въ немъ выражалось страшное отчаяніе. Онъ остановился. Кричать близко, но гдѣ... ничего не видно.

„Спасите!!“ опять пронеслось въ вечернемъ воздухѣ.

И тутъ изъ-за угла переулка онъ увидѣлъ человѣка, несшаго на рукахъ почти обнаженную дѣвочку. Она барабатилась руками и ногами. Она отчаянно кричала.

Вся кровь бросилась въ голову Борису. Онъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ, взвѣлъ курокъ и, подбѣживъ къ несшему дѣвочку человѣку, крикнулъ ему:

— Laissez la ou je vous tue à l'instant!

Тотъ остановился, разглядѣлъ дуло пистолета.

— Qu'y a t'il? хриплымъ голосомъ проговорилъ онъ.—Michaud a eu besoin de sa jupe... alors il ne me reste que la gamine... et je la prends—v'la tout!..

Это былъ дюжій молодой солдатъ. Отъ него пахло виномъ. Онъ былъ очевидно сильно пьянъ.

Раздался выстрѣлъ. Пуля просвистѣла почти у самого уха солдата. Онъ разжалъ руки, дѣвочка соскользнула на землю. Солдатъ побѣжалъ покачиваясь и скоро скрылся въ наступавшихъ сумеркахъ.

Борисъ склонился надъ дѣвочкой. Она лежала вздрагивая всѣмъ тѣломъ, почти безъ сознанія.

Что теперь дѣлать?

— Кто вы? Гдѣ вы живете? растерянно спрашивалъ Борисъ.

Дѣвочка ничего не отвѣчала.

— Можете вы встать?

Она наконецъ разслышала его вопросъ. Она попробовала подняться и тутъ же опять упала...

Она совсѣмъ почти раздѣта, вечеръ холодный. Какъ быть! Онъ сталъ оглядываться. Онъ замѣтилъ среди развалинъ, его окружавшихъ, уцѣлѣвшее зданіе. Онъ наклонился, попробовалъ поднять дѣвочку. Потомъ снялъ съ себя пальто, закуталъ ее, поднялъ и понесъ.

Дѣвочка была довольно большая и тяжелая; но онъ не чувствовалъ тяжести. Черезъ минуту онъ уже былъ у подъѣзда намѣченного имъ дома.

„Авось есть тутъ кто нибудь, думалъ онъ.—Авось отворятъ!“

Поднявшись на ступеньки крыльца, онъ сталъ стучать въ дверь. И вотъ къ его изумленію дверь распахнулась, но никто ее не отперъ — она была незаперта.

Борисъ вошелъ со своей тяжелой ношней, разглѣдѣлъ въ слабомъ полусвѣтѣ переднюю комнату. Прощелъ дальше, очутился въ довольно просторной залѣ, замѣтилъ диванъ, положилъ на него дѣвочку и сталъ ждать: придетъ же кто нибудь.

Онъ отворилъ другую дверь — крикнулъ: „Кто тутъ?“

Звукъ его голоса пронесся по пустымъ комнатамъ. Никто ему не отвѣтилъ.

Все было тихо. Становилось все темнѣе и темнѣе.

VIII.

Ночь.

Между тѣмъ дѣвочка пришла въ себя. Она приподняла голову, поджала подъ себя ноги.

— Какъ холодно! проговорила она.

Борисъ плотно закуталъ ее въ свой плащъ.

Что же теперь ему дѣлать?

Онъ беспомощно оглядывался, вслушивался въ нѣмую тишину, стоявшую вокругъ него. Его взглядъ случайно упалъ на окно, сквозь которое вдругъ блеснула лучъ выплывшей изъ-за облака луны. Комната, погруженная почти въ полный мракъ, теперь озарилась мягкимъ, голубоватымъ свѣтомъ. Теперь все уже вокругъ можно было ясно различать.

Борисъ рѣшился обойти это жилище, въ которое онъ попалъ, и узнать есть ли тутъ кто нибудь.

— Я сейчасъ вернусь, сказалъ онъ дѣвочкѣ, — я только осмотрю домъ.

Она слабо вскрикнула:

— Такъ вы не французъ, не французъ? спрашивала она своимъ милымъ, дѣтскимъ голоскомъ. — Не уходите, а то они придутъ опять... Они убьютъ меня...

— Бѣдненькая моя, не бойся ничего. Я говорю: сейчасъ вернусь. Вотъ прежде всего я постараюсь запереть наружную дверь, тогда никто уже не войдетъ сюда.

И онъ прошелъ въ тѣ двери, черезъ которыхъ внесъ ее. Онъ оглядѣлъ, ощупалъ; двери запирались изнутри на ключъ и кромѣ того еще для крѣпости припирались болтомъ. Проходя мимо дѣвочки онъ еще разъ ее успокоилъ.

— Теперь крѣпко и все тихо... ночью никто не придетъ сюда.

Онъ началъ обходить домъ. Обошелъ всѣ комнаты и скоро долженъ былъ убѣдиться въ отсутствіи здѣсь всякаго живого существа, за исключеніемъ кошки, которая вдругъ спрыгнувъ откуда-то и жалобно мяучая, стала вертѣться вокругъ его ногъ. На сколько можно было разглядѣть при свѣтѣ луны, падавшемъ изъ оконъ, это было довольно большое и хорошо обставленное помѣщеніе, очевидно покинутое хозяевами, а затѣмъ и оставшейся прислугой, уже подвергшееся грабежу французскихъ войскъ, которыя, какъ и у француженки, забрали

здѣсь все, что только можно было забрать. Даже съ оконъ и дверей были сорваны занавѣски, на что указывали оставшіеся карнизы и кое гдѣ висѣвшіе обрывки матеріи.

Положеніе Бориса оказывалось безнадежнымъ. Онъ надѣялся сдать дѣвочку кому нибудь въ вѣрные руки, какой нибудь женщинѣ, а самому спѣшить домой. Но теперь обѣ этомъ нечего было и думать.

Вести ее съ собой?! Но когда онъ поднималъ ее и закутывалъ въ свой плащъ, то замѣтилъ, что на ней всего одна рубашка, чулки и башмаки. Его плащъ, короткій и не особенно широкій, не можетъ защитить ее отъ ночного холода, а сентябрская то ночь, послѣ довольно теплого дня, очень холодна. Вотъ открытое окно и изъ него такъ и врывается почти даже морозный воздухъ.

Да и наконецъ будетъ ли она въ состояніи дойти до ихъ дома. Басманная, вѣдь это такъ ужасно далеко отсюда! Онъ можетъ нести ее на рукахъ... Конечно онъ донесетъ ее, у него хватитъ силы; но вѣдь мало ли что можетъ случиться дорогой. Вѣдь вотъ же этотъ негодай французъ тащилъ ее, очевидно съ цѣлью надругаться надъ нею, въ концѣ концовъ быть можетъ убить ее. Вѣдь это теперь звѣри, а не люди. Говорятъ, по ночамъ шляются пьяные ватаги, если не французы, такъ русскіе мастеровые, отъ перепоя потерявшіе всякий разсудокъ.

Онъ вернулся къ дѣвочкѣ не рѣшивъ ничего. Она сидѣла вся съежившись, кутаясь въ его плащъ и опять сказала:

— Ахъ, какъ мнѣ холодно!

Она поминутно вздрагивала. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею на диванъ и молча глядѣлъ на нее. Лучъ луны падалъ прямо на нихъ и освѣщалъ ихъ лица. Теперь онъ могъ разглядѣть ее. Это была дѣвочка лѣтъ десяти или одиннадцати, прелестная собою, съ большими темными, теперь нѣсколько дико блуждавшими глазами; съ тонкими чертами нѣжнаго, блѣднаго личика. Ея довольно длинные, густые волосы безпорядочно падали вокругъ хорошенькой головки.

Борисъ глядѣлъ на нее не отрываясь. Никогда еще больше милаго ребенка онъ не видалъ въ своей жизни. Ему казалось, что она не живое существо, что она сошла съ какой нибудь чудной картины. Такія лица иногда грезились ему въ его мечтахъ; но онъ не думалъ даже, что ихъ можно встрѣтить въ жизни.

И вдругъ эта дѣвочка, которую онъ спасъ, даже не разсуждая о томъ, что дѣлаетъ, которую принесъ на рукахъ въ этотъ необитаемый домъ и отъ которой за минуту передъ тѣмъ ему такъ хотѣлось избавиться, — вдругъ она сдѣлалась ему дорогой, близкой, будто онъ всегда зналъ ее, будто дороже ея у него никогда никого не было. Теперь онъ уже самъ не хотелъ разстаться съ нею. Онъ позабылъ обѣ отцѣ, матери, о большомъ братѣ. Всѣ опасенія, всѣ тревоги исчезли. Онъ только глядѣлъ на нее и она въ свою очередь глядѣла своими большими, немигавшими глазами на его почти дѣтское, нѣжное и привлекательное лицо.

Потомъ, высвободивъ изъ подъ закутывавшаго ее плаща холодныхъ, тонкихъ рукъ, которыхъ при свѣтѣ луны казались совсѣмъ выточенными изъ мрамора, она крѣпко обвила ими его шею, припала головой къ нему на грудь и горько, горько зарыдала.

— Милая, успокойся, не плачь! Зачѣмъ плакать... успокойся пожалуйста, прошу тебя... да не плачь же! почти съ отчаяніемъ, почти самъ готовый разрыдаться, упрашивалъ онъ ее.

Но ея судорожные рыданія не прекращались. Она такъ и билась на груди его, все крѣпче и крѣпче обнимая его шею.

— Да отчего же ты плачешь? Ну скажи мнѣ!.. Вѣдь все прошло, теперь никто ничего съ тобой не сдѣлаетъ... я никому не отдамъ тебя... я защищу тебя... я буду съ тобою... Не плачь, не плачь пожалуйста!..

— Ахъ, какъ страшно, какъ страшно! вдругъ, сквозь рыданія, проговорила она.

Но его ласковый, умоляющій голосъ очевидно на нее действовалъ. Ея судорожныя движения мало по малу начали ослабѣвать. Она затихла. Она только всхлипывала и все еще сжимала его шею, и все еще прятала голову на груди его.

Наконецъ она совсѣмъ успокоилась. Ея руки упали, она откинулась на спинку дивана и замѣтивъ, что вся разметалась въ этомъ порывѣ отчаянія, инстинктивнымъ, стыдливымъ движениемъ стала кутаться въ плащѣ, поджимая подъ себя ноги, прикрывая свои голые колѣни.

Борисъ, выросшій съ братомъ, привыкшій къ обществу взрослыхъ и мальчиковъ, всегда даже какъ-то чуждался тѣхъ дѣвочекъ, которыхъ иногда пріѣзжали со своими родителями къ нимъ въ Горбатовское. И въ послѣдніе эти годы, когда въ его грезы стали врываться какія-то полунебесныя существа въ женскомъ образѣ, онъ все же на яву не находилъ имъ гоплощенія и даже отдался отъ общества своихъ сверстницъ. Онъ не умелъ говорить съ ними, не зналъ чѣмъ занять ихъ. Онъ почему-то считалъ всѣхъ дѣвочекъ глупыми, неспособными заинтересоваться тѣмъ, что его интересовало, неспособными даже понять его мысли.

И вдругъ теперь эта несчастная, маленькая дѣвочка для него превратилась въ самое возвышенное, самое дивное существо. И вдругъ онъ нашелъ въ себѣ способность говорить съ нею такимъ нѣжнымъ, ласкающимъ тономъ, какого у него не было даже въ самыхъ задушевныхъ разговорахъ съ матерью.

— Ну, вотъ и хорошо, говорилъ онъ,—ты успокоилась! Зачѣмъ плакать, лучше скажи мнѣ, кто ты? Что съ тобою случилось, какъ попала ты въ руки этого негодного солдата? Какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Ниной, прошептала она.

— А тебя какъ? вдругъ спросила она въ свою очередь, совсѣмъ по дѣтски и выражая въ этомъ „тебя“ все довѣріе, которое она теперь почувствовала къ своему избавителю. И это „тебя“, это милое, довѣрчивое товарищество, которое внезапно между ними установилось, наполняло сердце Бориса никогда еще неизвѣданнымъ имъ блаженствомъ.

Онъ сказалъ ей свое имя.

— Борисъ! Какое хорошенькое имя! замѣтила она.

И еще разъ повторила едва слышно: „Борисъ“ и улыбнулась, будто не было сейчасъ этихъ отчаянныхъ слезъ и рыданій, будто не было того ужаса, черезъ который такъ недавно прошла она.

Она осторожно высвободила изъ подъ плаща свою руку и крѣпко сжала руку Бориса.

— Вотъ такъ, такъ! говорила она,—теперь мнѣ не страшно. Держи меня за руку, у тебя такія теплые руки, а мнѣ такъ холодно. Ахъ, если бы ты зналъ, какая я бѣдная, несчастная дѣвочка! Если бы ты зналъ что случилось со мною! Я жила почти годъ съ маменькой, здѣсь вотъ, неподалеку. Мы пріѣхали изъ Горокъ, это наша деревня...

— А твой отецъ?

— У меня нѣтъ отца, онъ умеръ давно, давно, когда я была совсѣмъ маленькая, я даже его не помню. Маменька моя была добрая... я ее очень, очень любила, только она все больна была. Иной разъ недѣлю и больше лежала. Пріѣхалъ въ Горки дяденька Алексѣй Ивановичъ и уговорилъ маменьку въ Москву ѿхать лечиться. Въ тѣ мы и пріѣхали съ няней, съ Матреной, и долго здѣсь жили, только доктора не помогли маменькѣ... И вотъ уже три недѣли какъ умерла она...

Дѣвочка замолкла. Голосъ ея оборвался, изъ глазъ брызнули слезы. Она старалась пода ить ихъ, но не выдержала и снова отчаянно зарыдала.

Борисъ уже не пробовалъ ее теперь уговаривать. Онъ склонился къ ней. Онъ все крѣпче и крѣпче сжималъ

ея руку, а другой рукой привлекъ къ себѣ ея головку и тихонько цѣловалъ ея густые, мягкие волосы.

— Ниночка, бѣднен кая! безсознательно повторялъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ плакать, зачѣмъ?!.. вдругъ произнесла она, сдерживаясь.—Няня правду говорить: слезами горю не поможешь. Я уже давно знала, что маменька не можетъ жить на свѣтѣ... Ужъ очень была больна она... блѣдная такая, прозрачная и силы уже никакой не было. Протянетъ руку, хочетъ взять стаканъ и не можетъ. Я все возлѣ нея сидѣла и пить ей давала... А она все пила воду: жажда у нея была такая. Похоронили маменьку на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Привезла меня пяня домой... Такъ пусто... пусто... жутко такъ... Все я тогда плакала, а няня мнѣ говорить, чтобы я написала скорѣе дяденькѣ Алексѣю Ивановичу, чтобы онъ пріѣзжалъ за мною въ Москву. Тутъ у насъ знакомыхъ не было почти, а кто пріѣзжалъ къ намъ, тѣ уѣхали изъ Москвы еще до маменькиной смерти. Совсѣмъ мы, совсѣмъ какъ есть однѣ были съ няней. Я написала... и стали мы ждать, когда пріѣдетъ дяденька. А тутъ, вдругъ, французы въ Москву вошли, пожары начались... ужъ какъ мы съ няней боялись, что и тотъ домъ, въ которомъ мы живемъ, сгоритъ пожалуй. Только прошелъ день, другой прошелъ, мы и выглянули на улицу боимся... Страсть такая—огонь, дымъ, со всѣхъ сторонъ кричатъ... все падаетъ... Я дрожу вся... няня меня успокаиваетъ, молится... и вдругъ, и вдругъ, это вечеромъ было, три дня прошло съ тѣхъ поръ, сидѣла я въ маменькиной спальни, няня громко читала евангелие... Вдругъ какъ вся комната освѣтится... къ окошку мы кинулись—на нашемъ дворѣ горитъ. Надѣли мы на себя что попало, выбѣжали на улицу... дождь шелъ частый такой, большой дождь. Долго мы стояли, почти ночь цѣлую. Больше половины дома сгорѣло, двѣ комнатки только остались. А на другой день пожаръ потухъ. Мы въ двухъ комнатахъ поселились, да все боялись, какъ бы крыша надъ нами не провалилась. Прожили еще день, другой прожили и не стало у насъ никакой провизіи. Сегодня пообѣдали, а на завтра нѣтъ ничего, ни хлѣба, ни картофелью, ни мяса. Няня взяла деньги, маменька ей всѣ свои деньги оставила, да говоритъ мнѣ:

„Я тебя, Ниночка, запру, посиди съ часокъ, а я пойду куплю на завтрашній обѣдъ чегонибудь, а то что-же, не помирать-же съ голода“.

— А мы вѣдь вдвоемъ съ няней. Матрена да Иванъ уже четыре дня какъ пропали... пропали да и только. Гдѣ они, Богъ ихъ вѣдаетъ. Мнѣ страшно одной безъ няни, а съ нею идти еще страшнѣе. Я говорю: няничка, хорошо, я останусь, только запри ты меня хорошенько, чтобы никто войти къ намъ не могъ.

„Кому теперь войти, это няня мнѣ сказала, — домъ сгорѣлъ“.

Заперла она меня да и ушла. Я сижу, страшно мнѣ... страшно... Плакать стала. Только вдругъ, слышу, стучать. Думаю, ну, слава Богу, няня вернулась. Только зачѣмъ-же стучать ей, ключъ-то она съ собой взяла. Стучать все... бываютъ въ дверь... упала дверь и входятъ два француза. Кричатъ, бранятся вѣрно... я по французскому не понимаю. Стали все шарить, все перерыли... Да у насъ уже взять было нечего. Няня только шкатулочку съ маменькиными деньгами и вынесла изъ пожара. Говорятъ мнѣ что-то французы — я не понимаю, кричу только: няня, няня! Нѣтъ няни. Накинулись они на меня, раздѣли, все сняли, вотъ въ одной рубашкѣ оставили... Я ужъ не помню какъ и что было, только слышала—кричать... вдругъ схватилъ онъ меня и понесъ, тутъ я еще пуще кричать стала... Тутъ выстрѣль... Это ты выстрѣлилъ? А потомъ я уже ничего не помню. Помню только какъ ты меня положилъ вотъ тутъ на диванъ....

Она замолчала и опять глядѣла на него своими темными, испуганными глазами. Ея блѣдное прелестное ли-

чико, озаренное луннымъ свѣтомъ, почти не имѣло въ себѣ дѣтскаго выраженія. Да и въ разсказѣ ея было видно, что она по развитію старше своего возраста. Она съ рожденія была окружена взрослыми, жила уединенной жизнью; успѣла уже много, много увидать; успѣла пережить тяжелыя и горькія впечатлѣнія, которыя быстро развиваются у ребенка.

Конечно, Борисъ не разбиралъ всего этого и обѣ этомъ не думалъ, но онъ это чувствовалъ. Она была для него не маленькая девочка. Послѣ этого ея признанія между ними окончательно установилась полная близость.

— Ты голодна, Нина? спросилъ онъ.

— Нѣтъ! отвѣтила она,—только мнѣ все холодно.

Онъ взялъ ея руки, сталъ согрѣвать ихъ своимъ дыханьемъ. Потомъ онъ привлекъ ее къ себѣ, обнялъ. Она прижалась къ нему и тихо шепнула:

— Я согрѣлась, теперь мнѣ хорошо. Я ничего не боюсь... вотъ такъ пустъ-бы всегда было.

— Чѣмъ-бы всегда было? спросилъ онъ.

— Такъ, эта комната... Луна чтобы вотъ свѣтила... и ты, Борисъ...

Она приподняла головку, взглянула на него, улыбнулась и крѣпко, крѣпко, звонко его поцѣловала, а потомъ какъ-то затихла.

Онъ сидѣлъ не шевелясь. Онъ слышалъ какъ бѣется ея сердце и какъ его собственное сердце отвѣчаетъ этому бѣенію.

Свѣть луны погасъ, незнакомая комната потонула во мракѣ. Борисъ все не шевелился. Онъ почти ни о чёмъ теперь не думалъ. Онъ погружался въ какое-то полузабытье. Онъ чувствовалъ только одно, что никогда еще въ жизни не было у него такихъ волшебныхъ мгновеній.

— Нина! шепнулъ онъ.

Но Нина ему не отвѣтила. Она заснула на груди его.

Прошло еще нѣсколько минутъ и онъ самъ сталъ засыпать, уставшій отъ этого дня, полнаго такихъ разнообразныхъ ощущеній.

IX.

Утро.

Оба они спали такъ крѣпко и безмятежно, какъ только можно спать въ ихъ годы. Но все же проснулись на разсвѣтѣ, изумленно оглядываясь, съ широко раскрытыми глазами.

Волшебный сумракъ ночи исчезъ. Исчезъ лунный свѣтъ. Исчезли грэзы. Дневная жизнь, дѣйствительность заявили свои права. И оба они сразу спросили другъ друга:

Что же намъ теперь дѣлать?

Передъ Борисомъ была эта спасенная имъ и согрѣтая прелестная девочка, съ которой бы онъ не хотѣлъ никогда разстаться, но ясно сознавалъ теперь, что разстаться надо и какъ можно скорѣе.

Ему представлялся одинъ исходъ, оставить ее здѣсь, въ этомъ покинутомъ домѣ, въ какомънибудь укромномъ углѣ, запереть ее хорошенъко и бѣжать скорѣе разыскать по ея указаніямъ ея старуху-няньку.

— Нина, подробно, хорошенъко разскажи мнѣ, гдѣ вашъ домъ.

Оказалось, что это очень близко, въ томъ же переулкѣ. Борисъ передалъ девочкѣ свой планъ. Она испугалась, но должна была сознаться, что въ такомъ видѣ, въ какомъ была она, то есть, въ чулкахъ, башмакахъ, коротенькой рубашкѣ и плащѣ Бориса, ей будетъ очень холодно бѣжать по улицѣ. Кутаясь въ плащѣ, она вслѣдъ за Борисомъ отправилась осматривать помѣщеніе, въ которомъ они находились. Они набрели на самую дальнюю маленькую комнату, въ которой было все-го одно окошко съ двойными невыставленными рамами и съ крѣпкими ставнями, запиравшимися изнутри.

— Вотъ ты останься здѣсь, Нина, а я вернусь скоро.

Но девочка вдругъ громко и горько заплакала.

— Нѣтъ, не могу, не могу! сквозь слѣзы повторяла она.—А ну что если ты не найдешь няню? а что если ты не вернешься... вѣдь я умру... Нѣтъ, не могу, ни за что не могу!...

— Такъ какъ же намъ быть?

— Я ужъ лучше побѣгу такъ, здѣсь близко, право очень близко... я не озябну...

— А если кто увидитъ, будетъ смѣяться?

— Пусть смѣются... развѣ я виновата. Нѣтъ, милый... голубчикъ Борисъ, пойдемъ вмѣстѣ. Я ни за что одна здѣсь не останусь...

Дѣлать нечего, пришлось согласиться съ нею.

Они прошли къ выходной двери, Борисъ ее отперъ, выглянула на улицу. Все пусто. Солнце еще не встало. Холодное, почти морозное утро.

Онъ повернулся къ Нинѣ, во мгновеніе закуталъ ее плащемъ, какъ только можно было лучше, и, прежде чѣмъ она успѣла очнуться, схвативъ ее за руки, сѣжалъ со ступенекъ крыльца.

— Куда? Говори... показывай.

— Пусти меня, Борисъ, вѣдь я тяжелая, я сама добѣгу. Вѣдь правда мнѣ не холодно!...

— Нѣтъ, я такъ боюсь, что ты больна будешь послѣ вчерашняго. Нѣтъ, ты легкая, я не чувствую совсѣмъ тяжести, или ты думаешь, что у меня силы мало. Говори!

— Налѣво... все прямо теперь... прямо ...

Онъ побѣжалъ. Онъ дѣйствительно не чувствовалъ тяжести. Менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ они были уже у цѣли. Слѣдя указаніямъ Нины, онъ побѣжалъ во дворъ, весь загроможденный обуглившимися бревнами, кирпичами, остатками обгорѣлой мебели.

— Вотъ тутъ... вотъ это крылечко... говорила Нина совсѣмъ упавшимъ голосомъ. Господи, а что же если нѣтъ нянни?

Борисъ, все не выпуская Нину, изо всей силы стукнулъ ногой въ небольшую дверь. Она была заперта. Онъ стукнулъ еще разъ.

— Кто тамъ? послышался испуганный голосъ.

— Няння... она! радостно вскрикнула Нина.—Это я... я, нянечка, отворяй скорѣе!

Дверь отворилась. Выглянула растрепанная, толстая старушка и увидя Бориса, державшаго на рукахъ Нину, всплеснула руками.

Борисъ прошелъ въ дверь и спустилъ Нину на полъ. Старушка кинулась къ ней себя не помя, плакала, прочитала, смѣялась.

— Ниночка, барышня моя ненаглядная, золотая! А я то ужъ не чаяла тебя видѣть, всѣ глаза выплакала. Господи, откуда ты? Что съ тобою стало? Что такое? О, Боже ты мой, моченъки нѣтъ! прибѣжалъ я вчера... дверь отперта... тебя нѣту... такъ и повалилась. Да что же это ты, золотая моя, что на тебѣ?

Она распахнула плащъ и увидѣвши, что на Нинѣ почти ничего не было, задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ахти! что же это... да гдѣ же твое платьице?

— Няння, милая, успокойся! А то вѣдь какъ же я буду говорить, когда ты слова не даешь сказать.

— Говори, говори, родная... О, Господи!

Старушка крестилась, обнимала девочку. Потомъ съ изумленіемъ и страхомъ глядѣла на Бориса, который молча и какъ-то сконфуженно стоялъ передъ нею.

Но вотъ наконецъ Борису и Нинѣ удалось, перебивая другъ друга, разскажать старой нянѣ все какъ было. Няння призатихла, жадно слушая ихъ, не проронивъ ни одного слова. Потомъ вдругъ стала она учещенно кланяться Борису.

— Спасибо тебѣ, сударикъ! великое спасибо... Господь наградить тебя за доброе дѣло, что спасъ ты мою барышню, сиротиничку бѣдненькую... Господь наградить тебя...

Бабочка. Силуэты К. Иценбергъ, грав. Гельштейнъ,

— Только какъ же вы теперь будете? вдругъ блѣднѣя спросилъ Борисъ. Вѣдь мнѣ надо домой, пе мѣшкай, сейчасъ надо.

— Что же, батюшка, ступай—Богъ не безъ милости! Ужъ я теперь ее, сердечную, ни на минуточку не оставлю, ужъ не отпушу ее отъ себя.

— Да вѣдь опять французы приди могутъ. Опять сломаютъ двери...

Старуха развелъ руками.

— За грѣхи Богъ наказалъ—что ужъ тутъ. Одна надежда—пріѣдетъ баринъ, Алексѣй Иванычъ, возьметъ насъ. Да нѣтъ; я вотъ что сдѣлаю. Мы пойдемъ отсюда... Вчера, Ниночка, я Матрену Степановну встрѣтила, знаешь чай Матрену Степановну. Такъ она меня звала: Приходите, молъ, съ барышней, господа васъ примутъ съ радостью. Домъ ихъ, вишь ты, цѣлъ остался и двѣ старыя барышни изъ Москвы не уѣхали. Собрались было совсѣмъ, да что-то позамѣшились, а тутъ непріятель—и не довелось уѣхать. Теперь, говоритъ Матрена Степановна, у нихъ французы постоемъ стоять да никакого зла имъ не дѣлаютъ, а даже въ защиту имъ отъ своихъ. Вотъ туда и пойдемъ. Это ужъ не такъ, чтобы очень далеч...

— Такъ я и провожу васъ, быстро воскликнулъ Борисъ, радуясь, что есть какойнибудь исходъ изъ этого невозможного положенія.

Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ оставить Нину въ этихъ двухъ комнатахъ обгорѣлаго дома съ безсильной старухой, за разбитою вчера пьяными солдатами дверью, которая еле запиралась на крючекъ и вся была расшатана. Но вдругъ онъ смущился.

— Да какъ же она пойдетъ такъ? Я принесъ ее, конечно могу опять нести. Только если это не очень близко, такъ ты поможешь мнѣ, няня.

— Зачѣмъ ее нести, сама пойдетъ, все еще дрожащая отъ недавнихъ мученій и нежданной радости, но въ то же время лукаво усмѣхнувшись сказала няня. Изверги то шарили, шарили, да не дошарили—сундучикъ то здѣсь—не нашли его...

Она прошла въ сосѣднюю комнату, за нею Борисъ и Нина. Тутъ въ углу стояла кровать, на которой уже не было ни подушки, ни одѣяла. Няня отодвинула кровать. Оказалось, что подъ нею открывается половица. Конечно, еслибы вчерашніе французы не были такъ пьяны, они бы это замѣтили, потому что половица открывалась посредствомъ ввинченного въ полъ кольца.

Няня открыла половицу и изъ довольно просторнаго углубленія подъ поломъ, съ помощью Бориса, вытащила небольшой сундучикъ.

Она отперла его бывшимъ въ ея карманѣ ключемъ, вытащила оттуда узелокъ съ бѣльемъ, потомъ маленьющую юбку, платьице, шелковый платокъ. Потомъ появилась небольшая шкатулка, обитая кожей, съ мѣдными углами.

— Тутъ вотъ все, что послѣ барыни осталось, всѣ ея бумаги да деньги. Слава тебѣ Господи, все въ сохранности! Ну, сударикъ, вотъ и есть во что одѣть Ниночку, теплого только ничего нѣтъ, такъ ты ужъ дозволь ей въ твоемъ плащикѣ добѣжать.

— Само собой! сказалъ Борисъ.—Только какъ же? хотя и рано теперь очень, а все же мы можемъ съ кѣмъ нибудь изъ этихъ негодяевъ встрѣтиться, увидѣть шкатулку... отнимать станутъ.

— Такъ, такъ, батюшка, это точно, озабоченно говорила няня,—куда же намъ дѣвать ее? Здѣсь оставить боязно!

— Конечно здѣсь ее нельзя оставить. А вотъ что мы сдѣляемъ! рѣшилъ наконецъ Борисъ.—Отвори ты ее, няня, и выберемъ все, что въ ней есть, себѣ по карманамъ. Видишь, какіе у меня карманы болѣе, много въ нихъ помѣстить можно. Кой что ты себѣ за пазуху засунешь, кой что Нина подъ плащемъ пронести можетъ.

Няня подумала немножко, подозрительно взглянула на Бориса.

— Богомъ клялась барынѣ не выпускать изъ рукъ шкатулку!.. прошептала она.

Но дѣлать было нечего и она какъ будто сама устыдила своей недовѣрчивости къ Борису. Она отперла шкатулку маленькимъ ключикомъ. Въ шкатулкѣ были бумаги, банковые билеты и нѣкоторыя драгоценныя вещи.

Въ то время какъ она бережно выкладывала все это, Нина уже быстро надѣла юбку, платьице, повязала себѣ голову платочкомъ, а сверху опять накинула плащъ Бориса.

— Вотъ я и готова! проговорила она, улыбаясь своей милой, грустной улыбкой и не то стыдливо, не то радостно поглядывая на Бориса.

Она почти безсознательно радовалась тому, что теперь одѣта передъ нимъ какъ слѣдуетъ.

Черезъ минуту всѣ они трое, размѣстивъ за пазухой и по карманамъ бумаги и вещи, вышли во дворъ. Няня несла узелокъ съ бѣльемъ.

— Брось, няня, брось, сказала, замѣтивъ узелокъ, Нина,—накинутся, отнимутъ...

Няня покачала головой.

— Нѣтъ, барышня, коли встрѣтимъ какого недобраго съ виду человѣка, тогда ему въ рожу и брошу узелокъ—пусть онъ имъ подавится. А можетъ съ Божьей помощью и пронесемъ благополучно. А то какъ-же тебѣ быть безъ чулокъ и сорочекъ?!

Нина замолчала. Они быстро пошли по переулку. Все по прежнему было тихо и они благополучно совершили свое небольшое путешествіе, встрѣтивъ всего нѣсколько человѣкъ русскихъ, которые даже не обратили на нихъ никакого вниманія.

Наконецъ въ одной изъ ближайшихъ улицъ пяня остановилась передъ довольно большомъ домомъ. Они прошли въ калитку, добрались до задняго входа въ домъ.

Въ домѣ всѣ еще очевидно спали. Няня подобралась къ знакомому ей окону, постучалась, прислушалась, приложившись ухомъ къ стеклу. Потомъ еще разъ постучалась. Ее окликнулъ кто-то изнутри.

— Матрена Степановна, я это, я... отвори, сдѣтай Божескую милость!

Скоро дверь отворилась. Пожилая почтеннаго вида женщина, по всѣмъ признакамъ экономка изъ хорошаго дома, вышла на крылечко.

Няня сказала ей въ чемъ дѣло. Матрена Степановна пригласила ихъ войти.

Они прошли сѣнцы, потомъ коридорчикъ и очутились въ свѣтлой и веселенькой комнаткѣ, чисто, хотя и незатѣйливо прибранный.

— Хорошо сдѣлала, матушка, что привела барышню, говорила Матрена Степановна,—давно-бы догадалась! Вѣдь времена нынче какія?! Ну какъ-таки можно тебѣ, такой старушкѣ, вдвоемъ съ дитей...

— Матушка ты моя! отвѣчала няня,—да вѣдь ужъ и не знаешь какъ быть-то! Вѣдь почему я осталась—со дня на день ждала, что Алексѣй Иванычъ пріѣдетъ... Пріѣдетъ онъ, а домъ-то погорѣлый, насъ нѣту... Ну гдѣ онъ барышню искать будетъ?! Вотъ и теперь, привела я ее... пріютите, добрые люди! А сама опять туда... буду ждать Алексѣя Ивановича...

— Ну, это мы уладимъ! сказала Матрена Степановна.—Вотъ господа встанутъ, проведу я къ нимъ барышню, что-то они скажутъ—можетъ все и уладится. А вы, сударь? обратилась она къ Борису, только теперь обративъ на него вниманіе.—Позвольте васъ спросить—кто вы такой будете?

Борисъ смущился.

Но няня его выручила. Она сказала, что онъ спасъ барышню, что молъ не будь этого молодаго барина, такъ Ниночки и въ живыхъ не было-бы теперь.

— Ахъ, страсти! говорила Матрена Степановна. — Воть времена! Воть Божеское наказанье!.. Дѣти малыя — и тѣ чего, чего ни навидятся, какъ ни намучаются!

Она глубоко вздохнула и перекрестилась.

— Вы, сударь, обождите тоже; повидайтесь съ господами... Они рады будутъ.

— Нѣтъ, я не могу больше! сказалъ Борисъ. — Я долженъ домой идти.

Онъ выложилъ изъ своихъ кармановъ все, что было имъ взято изъ шкатулки, и передалъ нянѣ.

Съ какимъ-бы наслажденiemъ онъ остался еще съ Ниной! Но грезы прошли.—Онъ сознавалъ дѣйствительность.

— Прощай, Нина! проговорилъ онъ. А вы мнѣ позовите навѣдаться? спросилъ онъ обращаясь къ Матренѣ Степановнѣ.

— Сдѣлайте милость, всегда рады будемъ!.. Какъ-же можно, большое одолженіе... прошу покорно... и господа рады будутъ.

— Прощай, Нина! протягивая руки къ дѣвочкѣ, повторилъ онъ.

Нина взглянула на него и вдругъ бросилась къ нему на шею крѣпко, крѣпко его цѣлуя.

— Прощай! говорила она, — только ты возвращаешься непремѣнно! Слышишь, Борисъ — вѣдь вернешься, не обманешь?!

— Не обману! сказалъ онъ ей.

— Возьми-же свой плащъ! вдругъ вспомнивъ крикнула дѣвочка.

Онъ не слышалъ ее и не понималъ.

Онъ поклонился Матренѣ Степановнѣ, поклонился нянѣ и скоро, скоро, ни на кого не глядя, вышелъ въ коридорчикъ, въ сѣни. Прошелъ черезъ дворъ и выѣжалъ на улицу.

Онъ остановился на мгновеніе, сообразилъ дорогу и помчался къ Басманной, безъ шляпы, безъ плаща, полный тревоги, опасеній; но въ то-же время съ какимъ-то широкимъ, новымъ, еще невѣдомымъ ему чувствомъ.

(До слѣд. №).

Лажъ Густава-Адольфа.

Исторический разсказъ Конрада Мейера.

I.

Два человѣка сидѣли другъ противъ друга за громаднымъ письменнымъ столомъ въ конторѣ одного изъ Нюрнбергскихъ патриціанскихъ домовъ, расположенныхъ неподалеку отъ церкви Св. Лаврентія. То были отецъ и сынъ и оба казались погруженными въ серьезную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшную работу; тотъ и другой набрасывали на бумагу длинный рядъ цифръ и подводили итогъ, чтобы, засимъ, для большей вѣрности, сравнить обѣ суммы. Тоненький юноша, какъ двѣ капли воды похожий на отца, первый поднялъ свой острый носъ съ красиво выведеннымъ имъ цифръ и, не безъ нѣкотораго самодовольства въ художествѣ озабоченномъ лицѣ, устремилъ взглядъ на все еще углубившагося въ занятіе отца. Въ эту минуту вошелъ слуга и подалъ пакетъ, снабженный тяжелой печатью. Пакетъ этотъ былъ доставленъ корнетомъ шведскихъ карабинеровъ; пока, онъ пошелъ осматривать знаменитыя картины залы ратуши и ровно черезъ часъ придетъ назадъ. Купецъ, при первомъ же взглядѣ, узналъ смѣлый почеркъ его шведскаго величества, короля Густава-Адольфа; высокая честь собственпорученного посланія короля нѣсколько искугала его. Король, которому онъ устроилъ роскошный пріемъ въ своемъ новомъ и великолѣпнѣшемъ во всемъ Нюрнбергѣ домѣ, могъ теперь, пожалуй, обратиться къ своему гостепріимному хозяину за гаймомъ. Но, впрочемъ, его страхъ продолжался не долго, онъ былъ очень богатъ и, кромѣ того, хорошо зналъ добросовѣстность шведскаго казначейства, а потому, безъ дальнѣйшаго колебанія и даже съ хвастливой усмѣшкой, сломаль печать королевскаго посланія. Однако, едва успѣлъ онъ пробѣжать краткое содержаніе бумаги — лицо его сдѣлалось блѣдо какъ штука турка потолка, на которомъ массивный барельефъ изображалъ жертвоприношеніе Авраама. Сынъ, наблюдавшій за отцомъ, поблѣдѣлъ въ свою очередь, угадавъ по его измѣнившимся чертамъ, что имъ грозить какая-то непріятность. Безпокойство молодаго человѣка усилилось еще болѣе, когда онъ увидѣлъ, что отецъ обратилъ на него грустный взглядъ, въ которомъ ясно говорило нѣжное отеческое чувство.

— Ради Бога, отецъ, что такое? проговорилъ юноша.

Старый Лейбельфингъ (оба принадлежали къ этому знаменитому купеческому роду) дрожащей рукой протянулъ ему письмо, и юноша прочелъ:

Любезный нашъ господинъ Лейбельфингъ!

Вѣдала и въ памяти нашей имѣя, что сынъ господина Лейбельфинга питаетъ желаніе вступить къ намъ пажемъ, симъ увѣдомляемъ, что это его желаніе нынѣ можетъ получить совершенное и полное удовлетвореніе, такъ какъ бывшій нашъ пажъ, покойный † Максъ Бекеймъ (вмѣстѣ съ достойными памяти покойными † Утеномъ Штромерсомъ и покойными † Гѣтценомъ Тукерсомъ), потерявъ въ нынѣшнемъ штурмѣ обѣ ноги, оторванныя у него осколкомъ ядра, скончался на нашихъ рукахъ; весьма намъ пріятно будетъ взять приближеннымъ къ себѣ кого-либо изъ евангелическаго города Нюрнберга, къ которому имѣемъ особое благорасположеніе; господинъ Лейбельфингъ можетъ быть увѣренъ, что его сынъ будетъ получать хорошее довольствіе и ежедневное христіанскоѣ наставленіе.

Пребываемъ расположены къ господину Лейбельфингу
Gustavus Adolphus Rex.

— Это — патентъ на вѣрную мнѣ смерть! жалобно воскликнула сынъ, — и это вы, отецъ — позвольте сказать вамъ, — при-

чина моей преждевременной смерти, потому что — кто же другой могъ ввести короля въ такое заблужденіе? Боже — скажаль надо мнѣ! и онъ поднялъ глаза кверху, какъ разъ къ тому мѣсту, где Авраамъ держалъ свой жертвенный ножъ надъ Исаакомъ.

— Дитя, не говори этого, мнѣ это невыносимо слышать! произнесъ отецъ съ слезами на глазахъ, — да будетъ проклятъ этотъ лишній стаканъ токайского!..

— Отецъ, перебилъ юноша, — разскажите, какъ все это произошло?

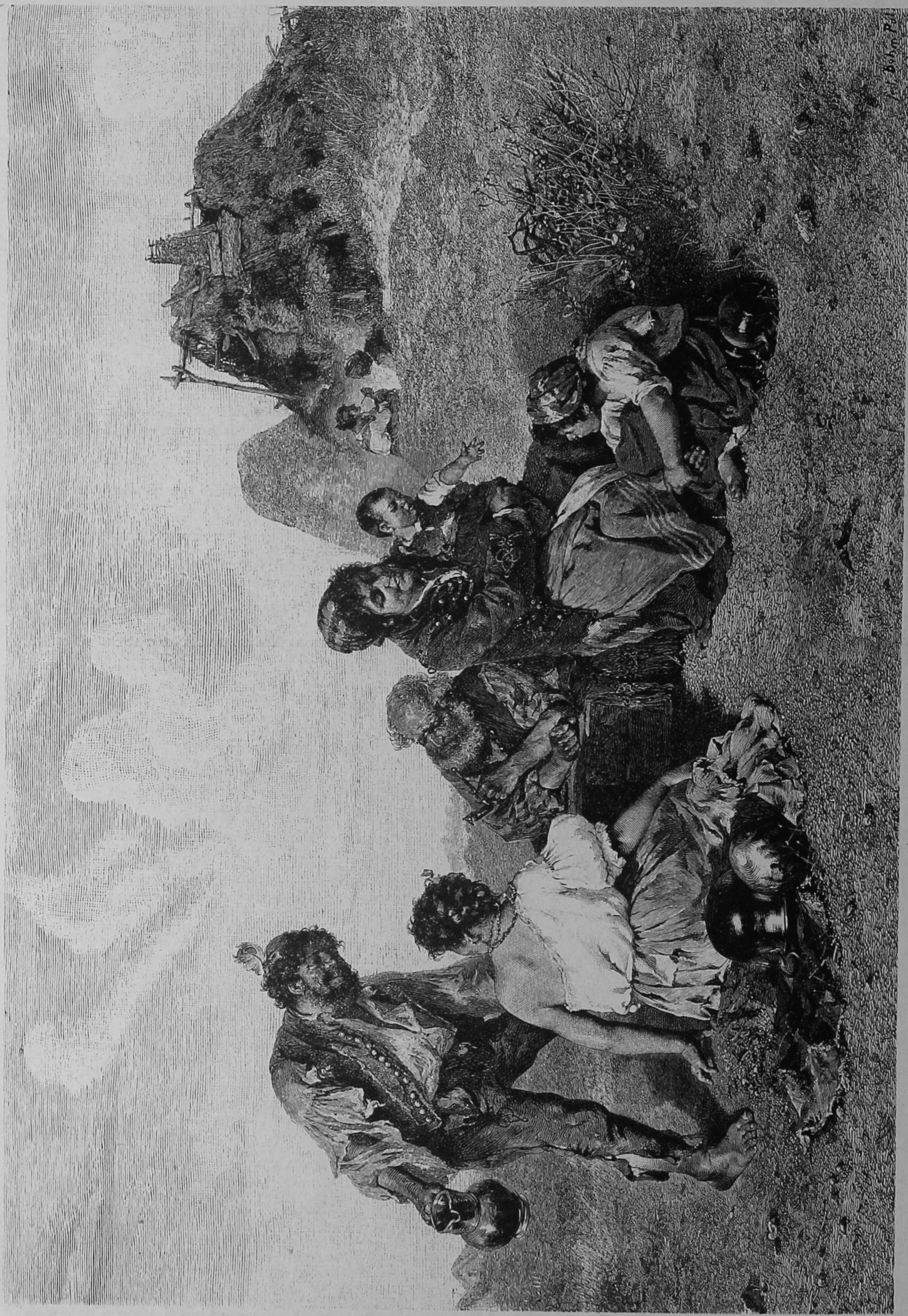
— Ты помнишь, Августъ, то угощеніе, которое я устроилъ въ честь короля, при первомъ его вѣзѣ; оно мнѣ обошлось дорого...

— Триста девяносто девять гульденовъ одиннадцать крейцеровъ, отецъ, а я-то такъ ничѣмъ тутъ и не пользовался, замѣтилъ юноша, — потому что пролежалъ все время въ комнатѣ съ мокрой повязкой на глазу (Августъ показалъ на свой правый глазъ). Густель, эта сумасшедшая, — отъ радости видѣть короля, кинула мнѣ въ глазъ воланъ, въ ту самую минуту, какъ на улицѣ послышались трубы и она думала, что шведы уже вступаютъ.

— Послѣ того какъ убрали кушанья и подали фрукты и кубки, продолжалъ отецъ, — наверху, въ залѣ и внизу, по всей площади, где собрался народъ, все ходуномъ заходило отъ кликовъ. Всѣмъ захотѣлось видѣть короля; за здоровье пили у открытыхъ оконъ и тамъ и тутъ кричали привѣтствія; вдругъ раздался звонкій голосъ: „Да здравствуетъ Густавъ, король Германскій!“ Воцарилась глубокая тишина, потому — ужъ очень это было сильно сказано. Король покрутилъ себѣ усы и замѣтилъ: „этого я не желаю слышать!“ Пью въ честь имперскаго города Нюрнберга!“ Ну — ужъ и началась потѣха; открыли пальбу изъ пушекъ и все пошло вверхъ дномъ! Немного спустя, его величество отвелъ меня въ сторону. „Кто это крикнулъ за здоровье Германскаго короля, Лейбельфингъ?“ спросилъ онъ, таѣ, въ полголоса. Тутъ — что грѣхъ таить — меня, стараго осла, разобрало желаніе похвалиться — (Лейбельфингъ, въ этомъ мѣстѣ своего разсказа, укоризненно хлопнулъ себя по лбу, въ наказаніе за то, что голова его не дала ему болѣе умнѣйшаго совѣта) — я и отвѣтилъ: „Ваше величество, сдѣлалъ это мой сынъ, Августъ. Онъ спить и видѣть — какъ бы только пажемъ въ вашу службу попасть“. Хоть въ головѣ моей и шумѣло, но я помнилъ, что у короля состояло уже трое нюрнбергцевъ въ пажахъ и этотъ былъ бы сверхкомплектнымъ. Я и сказалъ это только для того, чтобы не отставать отъ своихъ сосѣдей — стараго Тукерса и болтуна Бекейма. Кто же могъ знать, что король истратить въ Баваріи весь свой нюрнбергскій товаръ!...

— Ну, а еслибъ король послалъ тогда же за мнѣ — мнѣ такъ бы и пришлось показаться съ подбитымъ глазомъ? Ахъ, отецъ, отецъ, какая легкомысленность!

Оба, сблизившись головами, припялись обсуждать положеніе, чтобы найти какойнибудь выходъ; теперь они говорили шепотомъ, вспомнивъ о находившихся въ сосѣдней комнатѣ служащихъ и приказчикахъ, о которыхъ совершенно забыли въ первую минуту потрясенія, заставившую ихъ громко высказать всѣ волновавшія ихъ мысли и чувства. Но какъ ни напрягали Лейбельфинги свои умственные способности, ничего не могли они придумать подходящаго; настроение и отца, и Августа становилось все мрачнѣе, когда вдругъ за дверью густой женскій контрапѣтъ запѣлъ любимую пѣсенку Густава Адольфа: „не робѣй ты горѣть гороевъ, если врагъ тебѣ задумалъ уничтожить!“

Цыганский таборъ. Съ карт Бема, грав. Валла.

Весенняя выставка въ Акад. Художествъ. Видъ въ Могилевской губерніи.

Съ карт. Н. А. Орлыантцева, грав. М. Раповский.

и въ комнату быстрымъ и рѣшительнымъ шагомъ вошла младенская, стройная, но крѣпко сложенная дѣвушка, съ коротко остриженными волосами и довольно рѣзкими, скорѣе мужскими, нежели женскими, манерами.

— Ты настъ оглушить что ли хочешь, База? крикнули почти заразъ оба Лейбельфинга.

Но та не смущилась.

— Я пришла звать васъ обѣдать. Да что это съ вами, господинъ дядюшка и господинъ кузенъ, что это у васъ носы такъ вытянулись? проговорила она съ насмѣшкой. Въ ту же минуту, дѣвушка, увидавъ письмо, схватила его безъ дальнѣйшихъ окличностей, и твердой рукой начертанная подпись короля сразу ей объяснила страхъ, и дядюшки, и кузена.

— Обѣдать, обѣдать, господа! крикнула она, повернувшись къ двери и идя впереди обоихъ мужчинъ по направлению къ столовой. Однако, за столомъ, и ей, подобно Лейбельфингамъ, кусокъ не шелъ въ ротъ. Она отказывалась почти отъ всякихъ кушанья и, отодвинувъ стулья, закинула по мужски ногу на ногу, подъ своимъ синимъ платьемъ, на поясъ котораго висѣли, въ видѣ мѣшечка, карманъ и связка ключей; дѣвушка казалась тутъ совершенно у себя дома и, повидимому, съумѣла, своей бойкостью, пріобрѣсть прочное положеніе; она вслушивалась въ разговоръ; лицо ея было задумчиво.

Лейбельфинги продолжали обсуждать свое дѣло.

— Ну, а кто же это королю-то крикнулъ тогда привѣтствіе? вставила она.

— Да кто же? спросили въ одинъ голосъ Лейбельфинги.

— Да никто, какъ я.

Чертъ тебя возьми, дѣвчонка! воскликнулъ старшій Лейбельфингъ;—вѣрно ты нарядилась въ синій камзолъ шведского солдата, который прячешь у себя въ шапку за юбками, и явишася въ столовую, вмѣсто того, чтобы держаться съ женщинами.

— Вы готовы затолкать меня въ самое послѣднее мѣсто! возразила дѣвушка съ раздраженіемъ;—а вонъ та маленская самоварница, дылда башмачница, гордая дочь столяра и tutte quante удостоились чести подать королю подарокъ нашего города—два серебряныхъ кубка: одинъ въ видѣ небеснаго свода, а другой—земного шара.

— Что за безстыдство, Густель! какъ можешь ты носить мужскую одежду? произнесъ чопорный юноша.

— Т. е.—одежду моего отца, въ которой еще видна и теперь заштопанная дыра, прорванная шагомъ поляка, возразила дѣвушка серьезнымъ тономъ,—мнѣ достаточно только скривить глазъ,—(она, въ ту же минуту, сдѣлала, какъ говорила)—чтобы видѣть дыру, и это меня вдохновляетъ все равно, что проповѣдь; а къ тому же—перешла она, по своему обыкновенію, отъ серьезности къ веселому смѣху—юбки вовсе не сидятъ на мнѣ; не удивительно, что къ женскимъ платьямъ я не привычна—вѣдь я до шестнадцатилѣтняго возраста привыкла съ моей матерью, въ короткомъ платьице, скакать верхомъ.

— Милая База, проговорилъ не безъ нѣжности молодой Лейбельфингъ, съ самой смерти твоего отца, ты тутъ въ домѣ какъ родное дитя, а, вотъ, ты взяла и надѣла мнѣ кутерьмы! пропада моя, какъ барабана, на убой! Хоть бы съумѣла мнѣ что нибудь посовѣтовать, База!

— Посовѣтовать тебѣ, произнесла она энергически—и посовѣтую, будь мужчиной, будь Лейбельфингомъ.

— Лейбельфингомъ! ядовито замѣтилъ старикъ,—развѣ какому Лейбельфингу необходимо быть такимъ драчуномъ, какимъ былъ блаженной памяти Руппартъ, твой отецъ, который, еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, взялъ да и выкинулъ изъ телѣги меня и своихъ родителей, да еще мнѣ сломалъ два ребра? Пятнадцати лѣтъ ушелъ къ шведамъ, шестнадцати—женился подъ барабанъ на пятнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, а девятнадцати—кончилъ жизнь въ дракѣ!

— Т. е., сказала дѣвушка,—онъ паль за честь моей матери.

— Неужели ты не можешь дать мнѣ совѣта Густи? приставалъ молодой Лейбельфингъ, тебѣ вѣдь хорошо знакомы и лагерь, и война, и всѣ военные обыкновенія, на чёмъ я могу выказать себя передъ королемъ.

Она громко расхохоталась въ отвѣтъ.

— Знаешь что! воскликнулъ съ досадой юноша,—отправляйся-ка ты, вмѣсто меня, пажомъ къ королю! Вѣдь онъ въ тебѣ дѣвушки-то не узнаетъ! Да и къ тому же, можетъ быть, ты давно ужъ обѣ этомъ думаешь? Ты постоянно спиши и видишь шведского короля, и еще на днѣхъ, проходя мимо твоей двери, я слышалъ какъ ты командовала: „Король! караулъ вонъ!“

Дѣвушка слегка отвернулась, густая краска покрыла ея лицо, но затѣмъ, оправившись черезъ мгновеніе, она снова прямо и смѣло взглянула на него своими разгорѣвшимися карими глазами.

— Берегись! произнесла она,—можетъ пожалуй кончиться и этимъ, хотя бы для того, чтобы имя Лейбельфинговъ не было осрамлено трусомъ!

Едва произнесла она эти слова, какъ дѣтская мечта, родившаяся въ ея воображеніи, показалась ей не невозможна. Кровь отца закипѣла въ дѣвушкѣ, она наслѣдовала его мужество и энергию, но въ то же время въ ней говорила и дѣвичья застѣнчивость, и глубокое уваженіе къ королю; они парализовали ея рѣшимость.

Въ эту минуту доложили о приходѣ шведского корнета, который привезъ посланіе короля и обязанъ былъ, согласно данному ему порученію, доставить пажа въ лагерь. Онъ провелъ время нѣсколько иначе, чѣмъ предполагалъ; вмѣсто того, чтобы углубиться въ созерцаніе произведеній мастера Альбрехта, офицеръ просидѣлъ въ веселомъ кабачкѣ, за кубкомъ наполненнымъ золотистой влагой; однако, къ патрицію онъ пришелъ довольно свѣжимъ. Старый Лейбельфингъ, въ ужасѣ за своего сына и за свою фирму, сдѣлалъ движеніе, чтобы обнять колѣни племянницы, точь-вѣ-точъ, какъ моля о сыне, старый Пріамъ обнималъ колѣни Ахилла; что же касается молодаго Лейбельфинга, то тотъ затрапезалъ всѣмъ тѣломъ; дѣвушка, вырвавшись съ громкимъ хохотомъ, исчезла въ боковой двери, какъ разъ за минуту передъ тѣмъ, что звеня оружіемъ и шпорами, въ комнату вошелъ корнетъ—юноша, вся фигура котораго была живымъ олицетвореніемъ удали и беззавѣтной храбрости, хотя въ тоже время въ немъ чувствовался и строго дисциплинированный солдатъ своего короля.

Августа Лейбельфингъ, вѣжавъ въ свою комнату, лихорадочно принялася за работу; уложивъ кой-что въ походный чесменчикъ, быстро переодѣвшись въ платье отца, будто сшитое для ея стройнаго и плотнаго стана, она опустилась на колѣни, въ краткой молитвѣ прося прощенія и помощи.

Едва Августа показалася въ залѣ, какъ корнетъ крикнулъ ей:

— Скорѣй, товарищи! нужно торопиться! лошади не стоятъ на мѣстѣ! Король ждетъ насъ! Простите съ отцомъ и кузеномъ!

Юноша въ шведскомъ мундирѣ наклонился къ рукѣ старика, два раза съ волненіемъ поцѣловалъ ее, получивъ признательное благословеніе дяди; затѣмъ съ внезапнымъ порывомъ неудержимой веселости пажъ схватилъ правую руку молодаго Лейбельфинга и дернувъ ее въ ту и другую сторону, крикнулъ ему:

— До свиданія, будьте здоровы и счастливы, моя милая База!

Корнетъ чуть не покатился со смѣху.

— Славно, чортъ возьми, умѣете шутить, господинъ товарищъ! Извините, не сердитесь, а мнѣ такъ оно сейчасъ и показалось: совсѣмъ вы старая баба, господинъ кузенъ! Какъ у насъ поютъ въ Финляндіи:

„Старая баба ёдетъ верхомъ на кочергѣ. Чортъ возьми.“

И быстрымъ движениемъ сорвавъ съ стоявшей около него и дожидавшейся горничной ея чепчикъ, онъ надѣлъ его на гладко и старателльно прилизанную голову молодаго Лейбельфинга. Острый носъ и подбородокъ довершили сходство его съ профилемъ старой бабы.

Корнетъ, затѣмъ, дружески положилъ свою руку на руку пажа, но тотъ, отступивъ на шагъ, и взявши за эфесъ шпаги, произнесъ:

— Господинъ товарищъ! я люблю сдержанность и терпѣть не могу, когда кто нибудь позволяетъ себѣ дотрогиваться до меня.

— Тыфу ты пронастъ! вырвалось у офицера и, вѣжливо посторонившись, онъ далъ дорогу пажу; оба быстро сбѣжали съ лѣстницы. Долго еще послѣ того совсѣмъ Лейбельфинги; очевидно, Августу нельзѧ было оставаться въ Нюрибергѣ; и отецъ, и сынъ пришли къ слѣдующему плану: Августъ долженъ быть отправиться въ Саксонію, и именно въ расцвѣтавшій тогда городъ Лейпцигъ, и тамъ вести торговлю не подъ знаменитымъ патриціанскимъ именемъ, а подъ плебейскимъ прозвищемъ „Лаубфингера“, на короткое время только, пока теперешній Августъ фонъ-Лейбельфингъ не падетъ въ какой нибудь битвѣ около своего короля, что, конечно, не могло замедлить. Когда это продолжительное совсѣмъ кончилось и Августъ поднялся съ своего мѣста, онъ въ зеркалѣ увидалъ свое разстроенное лицо въ какомъ-то странномъ уборѣ—то былъ чепчикъ, нахлобученный на него молодымъ шведскимъ школьнікомъ.

II.

Послушай, пажъ Лейбельфингъ, мнѣ надо тебѣ сказать пару словъ. Если, въ случаѣ необходимости, тебѣ придется зашить, своими тонкими пальчиками, какой нибудь шовъ на комзоль короля, твоего господина, или пришить недостающую пуговицу, то никакъ этимъ не унизишь своего пажескаго достоинства; развѣ ты, въ Нюрибергѣ никогда не учился у маменьки или сестренки этому искусству? Оно вовсе не трудно и каждый шведскій солдатъ можетъ тебя легко ему научить. Что такое? ты хмуришься? Ну—будь уменъ и послушай! вотъ тебѣ моя собственная швейная подушка! дарю тебѣ ее.

И бранденбургская принцесса, шведская королева протянула пажу Лейбельфингу подушку англійской работы, съ наперсткомъ, нитками, иглой и ножницами. Королева, нѣжно любившая своего супруга, повсюду слѣдовала за нимъ и не мало удивила его, неожиданно появившись—на короткое время—въ лагерѣ подъ Нюрибергомъ, гдѣ Густавъ-Адольфъ помѣщался въ полуразрушенномъ войной дворянскомъ, помѣщичьемъ дому.

— Я обязываю тебя,—произнесла она, открывая футляръ и надѣвая пажу наперстокъ,—возлагаю на твою совѣсть, Лейбельфингъ, смотрѣть затѣмъ, чтобы мой король и господинъ былъ всегда одѣтъ прилично.

— Ну, на кой чортъ мнѣ эти нивы и шуговицы, ваше величество! произнесъ Лейбельфингъ, раскраснѣвшись отъ досады и сдѣлавъ при этомъ такую забавную мину, что королева отъ души расхохоталась, милостиво потрепавъ его по лицу.

Расхохотался и король, остановившись на порогѣ комнаты и увидавшій своего пажа со шпагой съ боку и наперсткомъ на пальцѣ.

— Но, Густъ, ты грубъ, какъ папистъ или язычникъ! Мнѣ надо будетъ взяться за твое воспитаніе.

Густавъ-Адольфъ, человѣчко—хотя и безъ парушенія дисциплины—обращавшійся со всѣми, начиная съ высшихъ и кончая ничтожнѣйшими, былъ чрезвычайно добръ и къ миловидному юношѣ, постоянно находившемуся при немъ; но, кроме того, онъ не забывалъ никогда и того, какъ этотъ юноша, на томъ Нюрнбергскомъ банкетѣ, привѣтствовалъ его „Германскимъ королемъ“, какъ бы предсказывая блестящее окончаніе его геройскому походу.

Пажъ успѣлъ уже прожить около своего героя цѣлый рядъ дней, полныхъ то блаженства, то слѣпаго ужаса, о чмъ добро-сердечный король и не могъ, конечно, догадываться. То были часы юнаго, опьяняющаго восторга! Все, на что только хватило у молодой груди силъ, все извѣдала она въ эти дни и часы—и сладостныя, гордые чувства, и мучительное ощущеніе страха, и пламятайной страсти,—все—въ ожиданіи либо смертоноснаго ядра, или позорнаго разоблаченія лжи!

Въ тотъ вечеръ, когда нюрнбергскій юнкеръ Августъ Лейбельфингъ былъ представленъ корнетомъ королю,—Густавъ-Адольфъ, слишкомъ погруженный въ свое дѣло, не имѣлъ и минуты времени, чтобы разсмотрѣть своего новаго пажа, который былъ, такимъ образомъ, избавленъ отъ необходимости пребѣгнуть къ безстыдной лжи. Густавъ-Адольфъ садился на коня, чтобыѣхать для подготовительныхъ распоряженій къ второму безплодному штурму неприступныхъ позицій герцога Фридландскаго; онъ велѣлъ пажу слѣдоватъ за собой и тотъ вскочилъ птицей на подведенаго коня, такъ какъ еще въ дѣствѣ совершилъ освоился съ сѣдломъ. Когда, немного спустя, король, обернувшись, увидалъ лицо своего пажа покрытымъ смертной блѣдностью—блѣдность эта происходила не вслѣдствіе того, чтобы пажъ испугался бѣшеной скачки своего коня или отвыкъ отъ верховойѣзды, но оттого, что Лейбельфингъ издали увидалъ, какъ изъ лагеря бичами гнали женщину, позволившую себѣ явиться туда безъ позволенія.

Король, съ не свойственнымъ ему упрямствомъ, повторялъ постоянно отбиваляемыя штурмы и каждый день пажъ безстрашно сопровождалъ своего господина въ самую середину боя. Каждую минуту или онъ могъ принять убитаго короля въ свои объятія, или сами участь смертельно раненымъ на его руки; возвращаясь послѣ неудачи, Густавъ-Адольфъ, обыкновенно, старался скрыть дурное расположение духа, подсмѣиваясь надъ тѣмъ, что новичекъ терялъ стремя, или слишкомъ натянулъ поводъ; иногда король порицалъ его неосторожность, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно давалъ своему пажу добрыя отеческія наставленія, особенно заботясь о его христіанскихъ чувствахъ. Густавъ-Адольфъ имѣлъ похвальную, здоровую привычку, въ конецъ дня, за полчаса до сна, бросать все дѣла и заботы и отдохнуть отъ трудовъ; соблюденіе привычки этой было ему тѣмъ необходимѣе теперь, потому что неудачные штурмы и потеря солдатъ разстраивали его планы, оскорбляли его гордость и мучили его христіанскую совѣсть. Въ этотъ поздній часъ король усаживался въ высокое кресло, пажъ помѣщался на скамейкѣ, у его ногъ; подавались шашки или шахматы и нерѣдко Лейбельфингъ побивалъ своего господина; иногда король—если былъ веселъ—забавлялъ пажа невинными разсказами, напримѣръ о превосходной проповѣди, которую слушалъ въ Берлинской дворцовой церкви, когда вѣнчался и въ которой жизнь сравнивалась со сценой, гдѣ люди были актерами, ангелы—зрителями, а смерть—режиссеромъ; или рассказывалъ необыкновенную исторію о томъ, какъ ему, королю, послѣ рожденія его ребенка, доложили, что то былъ сынъ и какъ нѣсколько времени самъ онъ ошибался, или о празднествахъ и богатыхъ костюмахъ, или о различныхъ иныхъ вещахъ, еще болѣе интересныхъ для дѣвушки, нежели для юноши, между прочимъ и о томъ, какъ обманутый король, въ переодѣтіи красивомъ пажѣ, узналъ женщину. Этотъ разсказъ, конечно, перенесугаль Лейбельфинга, постаравшагося тотчасъ же сдѣлать свой голосъ какъ можно грубѣе и принять наиболѣе мужественный видъ, но—и на этотъ разъ королю было суждено ошибиться, какъ онъ ошибся при рожденіи своей Христъ*), Лейбельфингъ успокоился и даже осмѣлился сдѣлать королю смѣлый вопросъ о томъ—какова была лицомъ графиня Эва Брахэ? Эта юношеская любовь Густава-Адольфа,—впослѣдствіи жена Де-ла-Гарди, котораго выбрала какъ втораго храбрѣшаго мужчину своего времени, потому что ей не удалось выдѣти за первого изъ храбрыхъ,—имѣла черные волосы, черные глаза и рѣзкіе черты лица; но король обѣ этомъ не сказалъ пажу ни слова, а довольно сильно ударилъ его ладонью по губамъ—ему почудилось, что онъ сложились въ лукавую усмѣшку.

Однажды король подарилъ своей Христъ перстень съ печатью; согласно модѣ того времени, на драгоцѣнномъ камнѣ

кольца должно было быть выгравировано какое нибудь изрѣченіе, нѣчто въ родѣ девиза, по которому—въ различіе отъ родового гербового девиза—обыкновенно выражалъ что либо лично касавшееся владѣльца кольца, или завѣтную мысль, или желаніе, требовалось только, чтобы изрѣченіе было скжато и кратко, на подобіе, напримѣръ, честолюбиваго „Nondum“ юнаго Карла V-го. Густавъ-Адольфъ охотно выбралъ бы для дочери одну изъ своихъ любимыхъ поговорокъ, но—опять-таки, на основаніи все той же моды—девизъ надо было составить на латинскомъ, итальянскомъ или французскомъ языкахъ.

Нагнувшись надъ лежавшимъ передъ нимъ фоліантомъ, онъ внимательно, и съ большимъ интересомъ, перечитывалъ собранія тамъ изрѣченія, замѣчанія, мысли, поговорки знаменившихъ или остроумныхъ людей,—по большей части историческихъ личностей.

Вдругъ, на ярко освещенной страницѣ книги рѣзко обозначилась тѣнь отъ тонкаго пальца, уперевшагося въ девизъ неизвѣстнаго происхожденія. То былъ пажъ, протянувшій свою руку черезъ плечо короля; девизъ же гласилъ: „Courte et bonne“! —что означало: еслибы мнѣ пришло выбирать, то я желалъ бы, чтобы моя жизнь была кратка, но полна наслажденій!—Король прочелъ, задумчиво покачалъ головой и, слегка потянувшись пажа за уши, толкнулъ на скамейку, готовясь прочесть ему натацію.

— Густъ Лейбельфингъ,—началъ онъ поучительнымъ тономъ и положивъ свою голову на подушку, такъ что взглядъ полу-закрытыхъ, яспыхъ, но близорукихъ глазъ, прямо падалъ на приподнятое лицо юноши,—Густъ Лейбельфингъ, сынъ мой! Я думаю, что эта поговорка принадлежитъ „эпикурейцу“, какъ называетъ подобныхъ людей докторъ Лютеръ. Наша жизнь дана Богомъ. А потому мы не можемъ требовать, чтобы она была продолжительна или кратка, а должны принимать такою, какою онъ намъ даетъ ее. Вотъ такое понятіе здраво и вѣрно, а не то, которое заключается въ французской пословицѣ, которая говоритъ о шумной и беспорядочной жизни. Ну—а ты какъ понимаешь, сынъ мой?

— Вотъ какъ, король и господинъ мой: я бы желалъ, чтобы моя жизнь не тянулась сѣроватыми сумерками, а промелькнула бы яркимъ мгновеніемъ свѣтлого счастія и, затѣмъ, потухла бы какъ сверкнувшая молнія. Королю, повидимому, не очень понравились и эти выраженія, и эта „сверкнувшая молнія“, хотя то была одна изъ любимѣйшихъ метафоръ вѣка. Онъ пошевелилъ своими тонкими губами, но пажъ не далъ ему времени высказать своего замѣчанія.

Король закрылъ глаза и—утомленный за день—погрузился въ сонъ; впрочемъ сначала онъ сдѣлалъ только видъ, что засыпаетъ, не желая отвѣтить на лесть пажа.

Такъ левъ игралъ съ собачкой и собачка играла со львомъ. И злая судьба, будто нарочно желая сильнѣе привязать влюбленное дитя къ его герою, къ его кумиру, показывала ему короля все въ новомъ свѣтѣ, раскрывая передъ нимъ всѣ скрощеннѣйшія стороны его характера; она заставила пажа принять участіе и въ томъ горѣ, которое его государю пришлось испытать въ своихъ отеческихъ чувствахъ.

Король, питавшій неограниченное довѣріе къ Лейбельфингу, поручалъ ему читать вслухъ правильно приходившія изъ Стокгольма, но очень неразборчиво всегда написанныя, письма гофмейстерины, состоявшей при маленькой принцессѣ; юноша же и отвѣчалъ на эти письма. Однажды Лейбельфингъ замѣтилъ на пакетѣ большую букву S, которую, въ тогдашнія времена, обыкновенно, давался получателю знакъ, чтобы письмо открыли и прочелъ онъ самъ; свойственные пажамъ любопытство и смѣлость взяли свое; Лейбельфингъ открылъ письмо и узналъ странную и поразительную исторію; гофмейстерина,—согласно предназначенному самимъ королемъ плану для изученія языковъ,—распорядилась, чтобы Христъ начала учиться итальянскому; выборъ учителя, сдѣланнаго съ большою осмотрительностью, казался весьма удачнымъ; учитель этотъ, еще молодой человѣкъ, шведъ хорошаго происхожденія, много путешествовавшій, соединялъ въ себѣ всѣ внѣшнія качества съ внутренними духовными достоинствами; красиво сложенный, онъ имѣлъ необыкновенно пріятное лицо, съ изящно выпуклымъ лбомъ, мягкая манера, отличался супорой нравственностью, но былъ одинаково чуждъ и мрачной строгости, и смѣшному педантизму, былъ благочестивъ христіаниномъ, главное же—истымъ приверженцемъ ученія Лютера, которое, какъ онъ самъ говорилъ, утвердило въ немъ во время пребыванія его въ Новомъ Вавилонѣ, при видѣ „римского безпутства“; въ каждомъ своемъ письмѣ умнала, прозорливая гофмейстерина усердно расхваливала молодаго человѣка, а маленькая принцесса, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и помощи подобнаго наставника, выучилась необычайно скоро. Но, незадолго передъ тѣмъ, гофмейстерина вдругъ увидала, какъ ученая и озаренная пылкой фантазіей Христъ стояла на колѣняхъ въ углу и молилась, перебирая душистыя, кедровыя четки, отъ времени до времени поднося ихъ къ своему розовому носику. „Всплеснула я руками выше головы и окаменѣла на мѣстѣ“, писала добрая и простодушная гофмейстерина, сопровождая свое изумленіе пятью восклицательными знаками.

Густавъ-Адольфъ поблѣднѣлъ, потрясенный до глубины ду-

* Знаменитая королева шведская Христина.

ши, его большие голубые глаза точно глянули в будущее; онъ хорошо зналъ іезуитовъ.

Іезуитъ былъ брошенъ въ тюрьму и, согласно драконовскимъ законамъ Швеціи, ему предстояла висѣлица, если король не помилуетъ. Густавъ-Адольфъ продиктовалъ пажу: „Съ дѣвочкой нечего говорить объ этомъ, надо все обратить въ дѣтскую шалость; іезуита, безшумно, препроводить за границу, такъ какъ я не желаю дѣлать мученика; ослѣпленный юноша сложилъ бы свою голову, чтобы попасть въ обагренный кровью сонмъ праведниковъ и идти на небо, вмѣстѣ съ злымъ памѣреніемъ своимъ возмущать юный умъ моей дочери“.

Но много дней еще не могъ успокоиться король, подъ вліяніемъ „несчастія и преступленія“, какъ онъ называлъ покушеніе, сдѣланное на душу его дочери, далеко за полночь ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣтуя, въ присутствіи своего любимца, на лживость, софизмы и притворство смиренныхъ отцевъ,—въ то время, что пажъ, сидя въ полутемномъ углу, повторялъ себѣ съ бывающимъ молодымъ сердцемъ: „И ты обманщица, и ты лживая, и ты притворщица тоже!“

Съ этого времени пажъ находился въ постоянномъ ужасѣ за свой обманъ и свой полѣ; ничтожнѣйшее обстоятельство могло бы открыть обманъ; чтобы избѣгнуть этого стыда, десять разъ въ темнотѣ ночи или на зарѣ ранняго утра, рѣшался бѣдняжка осѣдлать своего коня и скакать, скакать на конецъ свѣта, и десять разъ его удерживала добрая ласка короля, не вѣдавшаго, нисколько не подозрѣвавшаго, что близъ него находится женщина. Только въ пороховомъ дыму становилось ему легче; ярко разгорались тамъ его глаза и весело мчался онъ на встрѣчу пуль, призываю ихъ, прося ихъ покончить его страшный сонъ. И когда потомъ, въ тихій вечерній часъ, король опять спустилъ и подсѣмѣвался надъ какимъ нибудь промахомъ или невѣдѣніемъ пажа, тотъ, охваченный и блаженствомъ, и страхомъ, шепталъ себѣ: „это—въ послѣдній разъ!“

Такъ отодвигалъ онъ самъ рѣшительную минуту и наслаждался жизнью, при помощи смерти; это была какая-то стран-

ная, необычайная жизнь, полная жуткихъ ощущеній для Лейбельфинга; самъ король жилъ на дружеской ногѣ со смертью; герцогъ Фридландскій перешелъ въ наступленіе и поставилъ завоевателя въ тягостное положеніе отступленія, почти бѣгства; и христіанскій герой ежедневно предавалъ свою судьбу въ руки Бога; не взирая на мольбы и просьбы пажа, онъ снялъ свой грудной панцирь, подъ предлогомъ, что сталъ жметь на рану въ плечѣ, съ презрѣніемъ бросилъ онъ въ уголъ и присланную ему гибкую, тонкую кольчугу, мастерское произведеніе голландскихъ литейщиковъ, въ родѣ тѣхъ, какія носили тогда всѣ блогоразумные и осторожные люди, надѣвая прямо на голое тѣло; королева писала, что Фридландецъ не выходитъ безъ такой кольчуги и что ея господину и супругу должно не менѣе беречь себя; но Густавъ-Адольфъ считалъ это трусостью.

Однажды, среди ночной тишины, Лейбельфингъ, кровать котораго отдѣлялась только стѣной отъ спальни короля, услыхалъ, какъ тотъ громко молился Богу, прося, въ своей горячей молитвѣ, его убрать, если уже пришелъ его часъ, и прежде, чѣмъ онъ сдѣлается безполезнымъ или вреднымъ; въ первую минуту изъ глазъ пажа неудержимымъ потокомъ хлынули слезы, но затѣмъ имъ овладѣла восторженная радость, чувство гордаго торжества при мысли о сходствѣ судьбы его, ничтожнаго существа, съ удѣломъ великаго короля; вскорѣ онъ заснулъ опять.

Но совѣсть не молчала; онъ увидалъ тяжелый сонъ; ему приснилось, будто король, узнавшій обманъ, гналъ его прочь съ своихъ, горѣвшихъ гнѣвомъ очей, гнала его и королева, въ своемъ раздраженіи, оскорблявшая его такими выраженіями, какихъ на яву она никогда не употребляла, такъ какъ даже и не знала ихъ.

Потомъ приснилось пажу, что онъ скачетъ по какой-то го-
лой, обнаженной пустынѣ, залитой краснымъ заревомъ вечернаго заката, скачетъ прямо къ пропасти, за нимъ несется король, но на глазахъ своего спасителя или преслѣдователя, онъ бро-
сается въ бездну, встрѣченный громкимъ адскимъ хохотомъ.

(До слѣд. №).

Новѣйшій видъ спорта—велосипедъ.

Открытие.

Велосипедъ, какъ игрушка, давно уже извѣстенъ въ Россіи. Нѣсколько лѣтъ тому онъ былъ въ модѣ, но мода прошла и велосипеды, въ послѣднее время, рѣдко встречаются. То, что у насъ многими принималось до сихъ поръ за игрушку, заграницею, послѣ сдѣланныхъ въ немъ усовершенствованій, считается однимъ изъ самыхъ полезныхъ и практическихъ изобрѣтений послѣдняго времени. Лучшимъ доказательствомъ тому—быстро распространеніе велосипедовъ на западѣ. Въ Англіи существуетъ въ настоящее время около 250 заводовъ специальнѣ изготовляющихъ велосипеды. Самый большой изъ этихъ заводовъ—The Coventry machinist's Company—приготовляется отъ 300 до 400 штукъ въ недѣлю. На выставкѣ велосипедовъ, устроенной въ концѣ января текущаго года, въ зданіи Albert Hall, находилось 700 экземпляровъ, разнаго вида, приготовленныхъ на англійскихъ фабрикахъ. Въ Лондонѣ около 100 клубовъ велосипедистовъ. Въ соединенномъ клубѣ Cyclist's Jouring Club, имѣющемъ отдѣленія во многихъ городахъ королевства, состоится 7000 членовъ.

Въ Англіи издаются журналы, трактующіе исключительно о велосипедѣ: The Cyclist, The Tricyclist, Bicycling News (еженедѣльные), Wheel World Cyclos (ежемѣсячно) и другіе.

То-же самое, но гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, мы видимъ на континентѣ Европы. Въ маѣ 1882 года учрежденъ нѣмецкій клубъ велосипедистовъ—Deutcher Velocipedisten Club; затѣмъ въ октябрѣ образовался новый клубъ—Norddeutscher Velocipedisten Club. Оба названные клубы имѣютъ отдѣленія во всѣхъ значительныхъ городахъ Австріи и Германіи. Органъ германскаго клуба—„Das Velociped“ издается 1-го числа каждого мѣсяца.

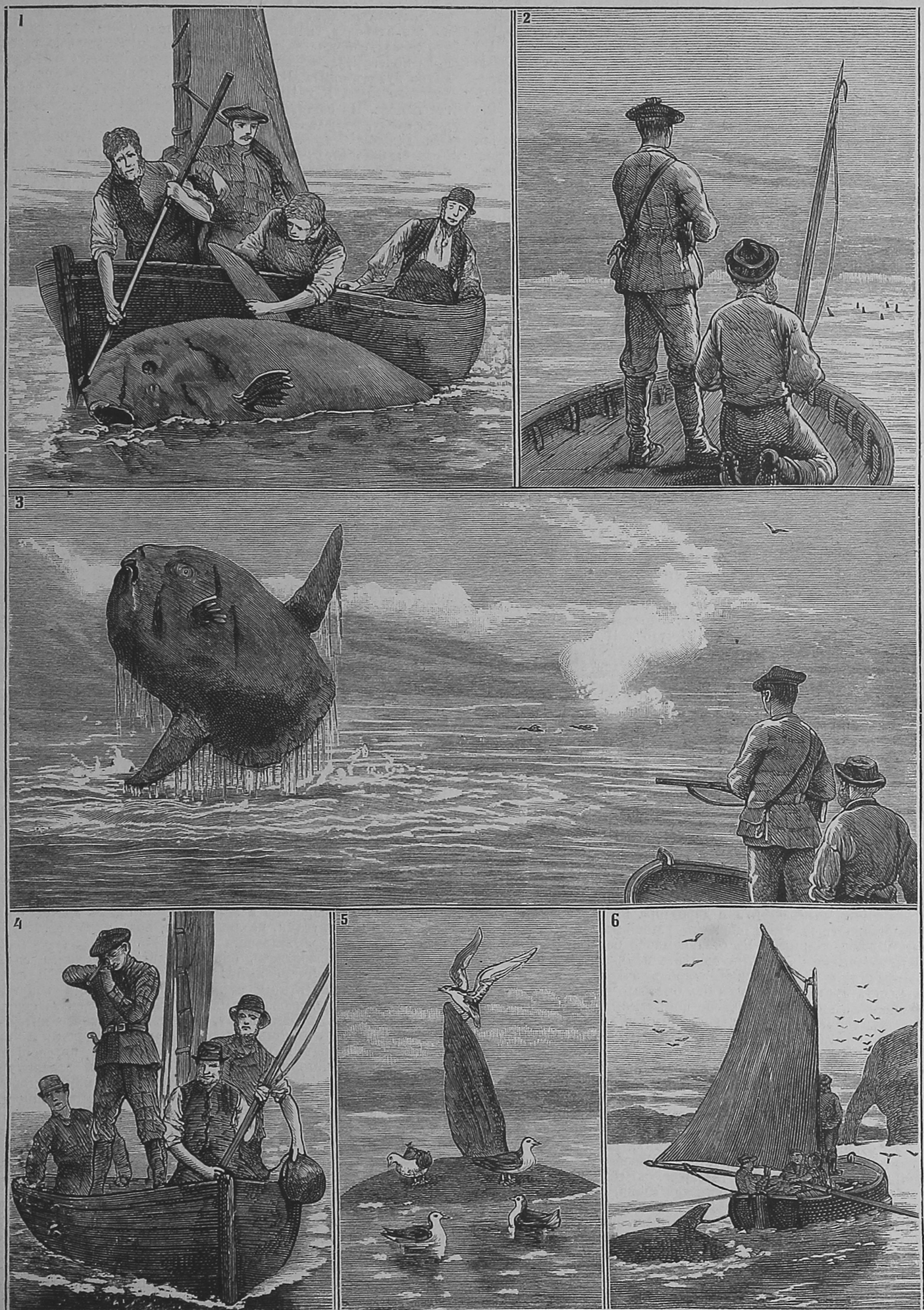
Такое широкое распространеніе велосипеда объясняется его практическимъ значеніемъ въ обыденной жизни. Велосипедъ вполнѣ замѣняетъ лошадь, конечно, при умѣніи пользоваться имъ. Искусныйѣездокъ дѣлаетъ до 15 верстъ въ часъ безъ малѣйшаго напряженія. Въ Лондонѣ весьма многія лица, живущія за 15 и болѣе верстъ отъ мѣста ежедневныхъ занятій, каждый день совершаютъ переѣзды на велосипедѣ туда и обратно. Коммерсантъ W. W. Williamsъ въ теченіи 1881 года, разѣзжая по дѣламъ, совершилъ 18750 верстъ; такихъ лицъ въ Лондонѣ весьма много. Этимъ путемъ, помимо сбереженія времени—Times is money—получается громадная экономія въ расходахъ на извозчиковъ или на билеты по конной и желѣзной дорогамъ. Кромѣ этихъ преимуществъѣзды на велосипедѣ передъ другими способами передвиженія, есть еще одно, не менѣе важное,—удовольствіе доставляемое этоюѣздою и польза его для здоровья.

Въ то время, когда англичане умѣютъ въ примѣненіи велосипеда соединить пріятное съ полезнымъ, на континентѣ этотъ предметъ является въ видѣ развлечения. Въ Парижѣ, на гулиньяхъ въ Елисейскихъ поляхъ и Булонскомъ лѣсу, въ хорошую погоду, всегда появляется нѣсколько кавалеровъ (на

2-хъ колесныхъ велосипедахъ), съ замѣчательнымъ искусствомъ лавирующихъ между экипажами. Вотъ, кажется, попадеть подъ лошадей! Но, ничего подобного не случается. Їздокъ обгоняетъ всѣхъ и исчезаетъ изъ вида... Видя человѣка, возсѣдающаго на одномъ громадномъ колесѣ (диаметръ—въ зависимости отъ роста сѣдока—отъ 48 до 60 дюймовъ), иной удивляется, какъ можно удержаться и не слетѣть долой. Понятно, что искусствоѣзды на 2-хъ колесномъ велосипедѣ, какъ и умѣніе кататься на конькахъ или плавать, требуетъ подготовки и упражненія; но каждый твердо стоящий на ногахъ человѣкъ, при желаніи, можетъ скоро выучитьсяѣздѣ, не говоря, конечно, о лицахъ больныхъ и престарѣлыхъ. Любители этой категории могутъ пользоваться 3-хъ колеснымъ велосипедомъ, который служитъ для дамъ и никакого умѣнія не требуетъ. Лордъ Гренвиль катается съ женою на двойномъ 3-хъ колесномъ велосипедѣ. Почтенному лорду около 70 лѣтъ, а его супругѣ около того.

Легкостьѣзды на велосипедѣ позволяетъ совершать экскурсіи на далекія разстоянія. Члены лондонскихъ клубовъ организуютъ поѣздки не только внутрь страны, но и на континентѣ. Экскурсіи изъ одного конца Англіи въ другой (около 1500 верстъ) въ 12 дней считаются обыкновеннымъ явленіемъ. Экскурсіи на дальнія разстоянія совершаются подъ руководствомъ, такъ называемаго, капитана, который заранѣе самъ знакомится съ мѣстностью, по которой предположеноѣхать. Не такъ давно, кружкомъ любителей сдѣлана поѣздка изъ Калѣ въ Венецию. Описанія подобныхъ путешествій, весьма интересныхъ, помѣщаются въ органахъ велосипедныхъ клубовъ. Нѣкоторымъ могутъ показаться невѣроятными такія оригинальныя путешествія, но не дальше какъ въ августѣ прошлаго года нѣсколько петербургскихъ спортменовъ совершили поѣздку на велосипедахъ изъ Выборга на Иматру и обратно. Разстояніе въ одинъ конецъ 62 версты проѣдено было въ 4½ часа, при неблагопріятныхъ условіяхъ. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести неопытность новичковъ, участвовавшихъ въ поѣздкѣ спортменовъ. Изъ восьми человѣкъ выѣхавшихъ изъ Выборга двое отстали отъ компаний, что замедлилоѣзду. Замѣтки обѣ этой экскурсіи въ свое время появились въ петербургской прессѣ. Кружкомъ петербургскихъ велосипедистовъ составленъ проектъ собрания, по примѣру заграничныхъ клубовъ: уставъ собрания представленъ на утвержденіе правительства и, вѣроятно, въ скоромъ времени получить требуемую санкцію.

Велосипедъ съ большими препятствіями получилъ право гражданства на континентѣ Европы. Появленіе велосипедистовъ на улицахъ Берлина вызвало нѣкоторую сенсацію. Полиція косо посмотрѣла на необыкновенныхъ всадниковъ. Дѣло дошло до суда. Намъ неизвѣстны подробности этого любопытнаго процесса, но не трудно представить себѣ сутьѣзды. Въ чемъ, спрашивается, могла обвинять полиція непріятныхъ для нея спортменовъ? Въ пользованіи необыкновеннымъ экипажемъ, состоящимъ изъ одного большаго колеса съ придачею одного

Ловля Луны-рыбы. По рис. Гр. грав. Гельштейнъ.

1. Тащть багромъ. 2. На выстрѣлъ разстоянія 3. Скачки Луны-рыбы. 4. Послѣдній выстрѣлъ. 5. Отдыхъ Луны-рыбы. 6. Возвращеніе домой.

маленька? Но въ Германіи, да и въ цѣломъ свѣтѣ, нѣть закона опредѣляющаго число употребляемыхъ для ъзды колесъ и размѣры таковыхъ. Въ „нарушениіи тишины и спокойствія?“ но verfluchtes Rad движется спокойно, безъ всякаго шума. „Велосипедъ пугаетъ лошадей,“ говорить берлинская полиція. Но паровозы—эти пыхтящія и свистящія чудовища—днемъ и ночью проходятъ по городскимъ соединительнымъ путямъ, маневрируютъ на товарныхъ станціяхъ въ присутствіи десятковъ и сотенъ лошадей и это послѣднихъ нисколько не беспокоитъ. Тѣли, иные ли доводы приводились въ защиту велосипеда—фактъ тотъ, что во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ истцы проиграли курьезный искъ; берлинцы хотели, а любители велосипедной ъзы торжествовали. Полиція оставалось одно средство настоять на своемъ: просить высшія власти воспретить ъзу на велосипедахъ и затѣмъ привлекать ненавистныхъ всадниковъ къ суду за неисполненіе распоряженій правительства. Но не трудно было предвидѣть, что подобное распоряженіе не могло состояться. Какъ воспретить экипажъ, которымъ пользуются просвѣщенные мореплаватели, катаясь днемъ и ночью по многолюднымъ лондонскимъ улицамъ. Въ Англіи къ началу этого года было въ обращеніи 200,000 велосипедовъ, число это съ каждымъ днемъ увеличивается. Мало того, англійское правительство, въ видахъ разумной экономіи, снабдило велосипедами, вмѣсто лошадей, почтальоновъ, которые развозятъ письма какъ внутри городовъ, такъ и въ окрестности.

Нельзя не упомянуть еще о томъ предубѣжденіи, съ которымъ относятся къ велосипеду лица съ нимъ не знакомыя. Существуетъ предположеніе, что ъза на велосипедѣ непремѣнно должна быть вредна для здоровья, такъ какъ при этой ъзе происходитъ, будто-бы, такая же работа ногами, какъ на швейной ножной машинѣ. Швейная машина, говорять иные, вред-

ная вещь, слѣдовательно велосипедъ тоже вреденъ. Лишне распространяться о томъ, что швейная ножная машина, послѣ уже сдѣланыхъ въ ней усовершенствованій, вовсе не вредна для здоровья, какъ инымъ кажется; достаточно сказать, что между работою на швейной машинѣ и работою на велосипедѣ ничего нѣть общаго, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться лично путемъ опыта. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 года членъ лондонскаго клуба М-г Higham сдѣлалъ 345 верстъ, не слѣвая съ велосипеда. На состязаніи въ Дэрби М-г Rawson въ теченіи 6 дней сряду, включая время для отдыха, сдѣлалъ 2250 верстъ. Оба джентельмена навѣрно чувствуютъ себя очень хорошо. Если бы велосипедъ былъ вреденъ для здоровья, то едва-ли онъ пользовался бы такимъ успѣхомъ въ Англіи. Джонъ-Булькактъ, какъ извѣстно, очень заботится о своемъ здоровыи. Извѣстный лондонскій врачъ-гигиенистъ, Ричардсонъ, состоить президентомъ одного изъ мѣстныхъ клубовъ Tricycle.

Но, раньше или позже, велосипедъ получить, вѣроятно, распространеніе въ Россіи, въ особенности въ столицѣ. При далекихъ разстояніяхъ, при дорожевизнѣ извоевателей, велосипедъ можетъ оказать значительныя услуги. Для лицъ, разѣзывающихъ по городу по своимъ служебнымъ обязанностямъ (доктора, адвокаты, архитекторы и др.), стоимость велосипеда (англійскій 2-хъ колесный, лучшей конструкціи стоитъ около 20 фунтовъ стерлинговъ) въ скоромъ времени окупается. Искусный ъзокъ можетъ, не утомляясь, дѣлать каждый день 100 верстъ.

Нельзя себѣ представить болѣе интереснаго зрелища какъ отрядъ велосипедистовъ, отправляющихся лѣтомъ изъ Петербурга, напр., въ Кіевъ, что вполнѣ осуществимо. Впереди помчится капитантъ; за нимъ, гуськомъ, потянутся длинная вереница всадниковъ, точно стая перелетныхъ птицъ, отправляющихся осенью въ теплые края.

Зоологическій садъ въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 588 и 589).

Зоологическій садъ составляетъ теперь необходимую принадлежность не только каждой европейской столицы, но и каждого большого города; это ихъ гордость—ихъ лучшее украшеніе, на которое не жалѣютъ издержекъ. Какъ прежде говорили путешественнику: „посмотрите нашу картинную галлерею“, такъ теперь ему говорятъ всего чаще: „посмотрите нашъ зоологический садъ—это дѣйствительное чудо“. И будьте увѣрены, что современный путешественникъ предпочтетъ этотъ совсѣмъ осмотрѣть чудеса кисти или рѣзца онъ оставитъ до другаго раза, а послѣдній прежде всего полюбоваться чудесами природы—чудесами необыкновенного животнаго міра.

Петербургъ въ этомъ отношеніи находится въ исключительныхъ условіяхъ; суровость его зимы, рѣзкая перемѣнчивость климата не даютъ возможности сохранить здѣсь многихъ цѣнныхъ животныхъ жаркаго пояса, которыя быстро вымираютъ, и только страшная усилившая громадная издержки могутъ обезопасить, и то не надолго время, такихъ звѣрей отъ вредныхъ для нихъ внешнихъ условій. Кроме того, нужно сознаться, что мы еще мало склонны къ чисто научнымъ наслажденіямъ; что любуясь чудесами растительного или животнаго міра мы все таки при этомъ требуемъ еще и другихъ занимательныхъ зрелищъ—требуемъ программы увеселительной и только при этомъ послѣднемъ условіи наше могутъ заинтересовать чисто зоологическую сокровища сада. Петербургскій зоологический садъ, подъ управлениемъ нынѣшняго его директора Роста, по мѣрѣ силъ удовлетворяетъ въ этомъ нашимъ условіямъ, какъ мѣстнымъ, такъ и общественнымъ. Въ безпрерывной борьбѣ съ климатомъ, нашъ зоологический садъ не жалѣетъ издержекъ на приобрѣтеніе рѣдкихъ и цѣнныхъ экземпляровъ звѣрей, хотя часто не въ силахъ предохранить ихъ отъ быстраго вымирания; кто изъ давнишнихъ его посѣтителей не помнить этихъ столь рано погибшихъ знаменитостей нашего зоологического сада: великого льва, бѣлаго медведя, громаднаго слона, роскошнаго носорога. Но эти громадныя потери не обезкуражили почтеннаго управителя сада и онъ съ прежнею энергию старался обогащать свое заведеніе дорогими и рѣдкими экземплярами животнаго царства, устраивая какъ только можно лучше тотъ маленький клочекъ Александровскаго парка, который находится подъ его владѣніемъ. Здѣсь, по его инициативѣ, на дѣйствительно очень небольшомъ пространствѣ, возникло множество новыхъ построекъ и различныхъ приспособленій для содержанія звѣрей; прекрасная галлерей съ солидными клѣтками для хищниковъ; особый домикъ для слона, сообразный по размѣрамъ его громадной фигуры; особое помѣщеніе для медведей; обширная отдѣленія для хищныхъ птицъ, попугаевъ и обезьянъ, и небольшой прудъ, где съ громкимъ крикомъ плещутся самыя разнообразныя водяныя птицы. Кроме того почти на каждомъ шагу вы встрѣчаете здѣсь какой нибудь предметъ, достойный вашего вниманія; то передъ вами загородка съ интереснымъ звѣрькомъ—кэнгуру, то вдругъ, какъ будто въ стенахъ Азіи, выростаетъ неуклюжая фигура верблюда или мелькнуть тонкій, граціозный силуэтъ сѣвернаго оленя. Множество мелкихъ животныхъ тоже забавляютъ васъ здѣсь своими быстрыми прыжками и ужимками; это бѣлки, векиши, морскія

свинки и кролики, около которыхъ всегда толпится масса веселыхъ дѣтей, любующихся этими хорошенѣкими, безвредными звѣрьками.

Въ настоящій сезонъ нашъ зоологический садъ также обогащенъ многими интересными экземплярами; такъ въ средѣ птицъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько роскошныхъ, красныхъ фазановъ изъ породы такъ называемыхъ серебряныхъ и золотыхъ фазановъ и фазановъ Лэди Амгорстъ, которые гордо, съ сознаніемъ собственного достоинства, расхаживаютъ среди другихъ мелкихъ представителей птичьаго царства. Между послѣдними также есть много новинокъ: такъ напримѣръ мандаринскія, каролинскія и египетскія пестроносые утки, бѣлые и черные лебеди и нѣсколько замѣчательныхъ пеликановъ.

Въ отдѣленіи медвѣдей появилась прекрасная новая парочка бѣлыхъ, полярныхъ медвѣжатъ, съ пушистой бѣлоснѣжной шерстью, тяжело дышащихъ отъ непривычного для нихъ петербургскаго зноя. Отдѣль пресмыкающихся, до сихъ поръ довольно слабый въ нашемъ зоологическомъ саду, также пополненъ значительно: особенно много приобрѣтено змѣй и между ними замѣчательный удавъ, имѣющій 21 футъ длины. Кроме того мы замѣтили между новинками сивача или морскаго льва, много прелестныхъ какаду и другихъ интересныхъ птицъ и нѣсколько крокодиловъ-аллигаторовъ. Но самое крупное приобрѣтеніе этого сезона — это два молодыхъ слона, отличающіеся прекрасной дрессировкой и возбуждающіе смѣхъ зрителей своими разными фокусами, не лишенными подъ часъ дѣйствительной замѣчательной смѣливости.

Что сказать теперь намъ объ увеселительной части сада?.. Она, какъ извѣстно, давно пользуется между публикой самой лучшей репутацией и въ каждый новый сезонъ эта репутация за нею закрѣпляется болѣе и болѣе. Дѣйствительно, за сравнительно очень не дорогую плату, вы, кроме научнаго интереса, имѣете въ зоологическомъ саду цѣлый рядъ интересныхъ сценическихъ зрелищъ и кроме того прекрасный прусскій оркестръ музыки, который, сказать къ его чести, играетъ всѣ лучшія произведения нашихъ отечественныхъ композиторовъ. Изъ зрелищъ въ настоящій сезонъ особенною благосклонностью публики пользуется дѣйствительно замѣчательный циркъ животныхъ г. Брекмана, въ которомъ фигурируютъ пони, собаки, обезьяны и даже козлы. Всѣ эти артисты выполняютъ свои нумера дѣйствительно замѣчательно, иные изъ нихъ даже съ неподѣльнымъ комизмомъ. Особенно забавенъ пудель, играющій въ труппѣ роль клоуна, и павіанъ въ голубомъ рейтракѣ и съ цилиндромъ на головѣ, исполняющій обязанности жокея. Къ чести г. Брекмана слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ его четвероногіе артисты видимо относятся къ нему съ любовью и довѣріемъ, какъ бы свидѣтельствуя передъ публикой, что въ ихъ обученіи палка не играла первенствующей роли. Программа другихъ увеселеній также очень разнообразна. Такъ на открытой сценѣ дѣлаютъ самыя головоломныя упражненія цѣлый рядъ замѣчательныхъ акробатовъ: семейство Браатцъ, Іовановичъ и американскіе гимнасты Лаукъ и Фоксъ. Братья Іовановичъ совершаютъ самыя невѣроятныя упражненія на пирамидѣ стульевъ и бутылокъ, а молодые атлеты Лаукъ и Фоксъ доводятъ

до замечательного совершенства смѣлъя и рискованныя вообще упражненія на тройномъ турникѣ. Но въ исполненіи Фокса и Лаука самое невѣроятное становится возможнымъ; какъ гуттаперчевые манекены сгибаются они на трапеціяхъ, летятъ съ громадной высоты головою внизъ, повисаютъ ногами и захватываются другъ за друга. Въ концертномъ залѣ зоологического сада программа удовольствій также довольно разнообразна; здѣсь поютъ: нѣмецкая пѣвица Прессе-Позенеръ, Рауль Гинцбургъ, русскій куплетистъ Войтовичъ; итальянскіе пѣвцы—сингора Бусто изъ Миланскаго театра, Ла-Скала и сингора Ферари, поющій болѣе речитативомъ. Кромѣ того, Рауль Гинцбургъ въ антрактѣ между куплетами тѣшить публику, съ помощью накладной бороды и парика, превосходнымъ копированиемъ разныхъ знаменитостей всѣхъ временъ и народовъ: Наполеона I, Гарибальди, Бисмарка, Андраши и даже нашего знаменитаго канцлера Горчакова, который у него выходитъ со сходствомъ замечательнымъ. Не менѣе интересны и другіе артисты

стры труппы: художникъ Франсуа въ одинъ моментъ, навыворотъ, снизу вверхъ, набрасывающій мѣткія фигуры; испанецъ сеноръ Донъ-Каскабель, переодѣвающійся то старухой, то французской каскадной пѣвицей, то тореадоромъ, и наконецъ американскій стрѣлокъ Ира Пейнъ—стрѣлокъ, какъ кажется, дѣйствительно незнающій промаха и безъ малѣйшаго смущенія сшибающій пулѣ самые мелкіе предметы съ головы своей молодой и хорошенѣко супруги, которая геройски, съ полнымъ довѣріемъ къ ловкости мужа, ежедневно подвергаетъ свою жизнь опасности.

Вообще зоологическій садъ представляетъ пріятное явленіе среди другихъ увеселительныхъ заведеній Петербурга, где вмѣстѣ съ научной пользой можно провести время скромно и вмѣстѣ весело, не оскорбляя нравственного чувства своей семьи ни пикантностью, ни скабрезностью, которая почему то считается теперь необходимою принадлежностью всякой увеселительной программы.

Къ рисункамъ.

Бабочка.

(Рис. на стр. 593).

Силуэты г. Изенбергъ не разъ помѣщались въ нашемъ журналь и мы указывали на прелестное изданіе „Дѣти“, состоящее изъ работъ того же художника. Всѣ они отличаются вкусомъ и мѣткостью очерка. Вотъ на нашемъ рисункѣ цѣлая драма въ нѣсколькихъ легкихъ очеркахъ—драма жизни человѣческой, полная значенія, заставляющая задуматься. Вотъ эта легкомысленная красивая бабочка еще ребенкомъ: она бросила работу, мечтаетъ, она оживлена, весела, она вся въ будущемъ. Но вотъ уже она изящная прелестная девушка—она выслушиваетъ призванія, но повидимому относится къ нимъ весьма слегка—ей не до того: ее увлекаетъ иная жизнь—артистическая, жизнь сцены. Она порхаетъ легкой бабочкой по сценѣ, среди листящихъ ей рукоплесканій толпы... Но не дологъ ея триумфъ. Проходитъ молодость, красота, приходитъ горе. Блестящія яркія крылышки опустились, поблекли. Въ дождь и слякоть, больна, слабая, она идетъ, грустно понурясь, на уроки, зарабатывая себѣ танцами кусокъ хлѣба. И вотъ уже она, дряхлая старуха, печально дремлетъ надъ чулкомъ у своего кофейника, припоминая блестящую веселую молодость...

Цыганскій таборъ.

(Рис. на стр. 596).

Цыгане, какъ и евреи, разсѣяны по всей Европѣ. Нѣть страны, въ которой бы они не разбивали свои шатровъ, где бы не слышалась ихъ дикая, лихая пѣсня, напоминающая иныхъ страны, иное, болѣе жаркое небо.

Прошлое этого племени весьма таинственно и происхожденіе неизвѣстно. Есть разныя на этотъ счетъ предположенія; въ языкахъ сохранилось много словъ санскритскихъ, индостанскихъ, что указываетъ на индійское происхожденіе. Они пытаются отвращеніе ко всякой осѣдлости и граждансконости. Переходя съ места на место, разбиваются они свои шатры и въ этой вольной жизни есть что то и поэтическое. Этой стороной увлекались многіе поэты, между прочимъ нашъ Пушкинъ, написавшій цѣлую превосходную поэму „Цыгане“, где воспѣлъ ихъ кочевую жизнь...

Какъ вольность, весель ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами,
Межъ колесами телегъ,
Полузавѣшанныхъ коврами...

На превосходномъ рисункѣ Бѣма, группа цыганъ изображена въ моментъ ихъ незатѣйливаго обѣда. Вдали видны ихъ телѣги и шатры, которые они разбили где нибудь надъ рѣкой, при дорогѣ, и долго ихъ смуглы, полуоголые ребята будутъ надоѣдать проѣзжимъ, выпрашивая милостыню, скаля свои бѣлые зубы и блестя своими черными глазами...

Видъ въ Могилевской губ.

(Рис. на стр. 597).

Русскій пейзажъ, какъ ни странно это сказать, только въ послѣднее время получилъ у насъ надлежащее развитіе, и словно только теперь художники поняли и полюбили тихую прелесть мирныхъ картинъ нашей родной природы. Не говоря уже о такихъ именахъ какъ Орловскій, Клеверъ, Куинджи, Мещерскій—у насъ появилось теперь нѣсколько весьма симпатичныхъ пейзажистовъ, первыя работы которыхъ много обѣщаютъ въ будущемъ. Мы уже говорили и прежде, что нашъ пейзажъ обратилъ на себя вниманіе даже иностраннѣхъ знатоковъ искусства, и теперь вызываютъ похвалы на Берлинской выставкѣ появившіяся тамъ картины нашего профессора Клевера.

Пейзажъ г. Отрыганьева, копію которого мы здѣсь помѣщаемъ, отличается несомнѣнными достоинствами прекраснаго исполне-

нія и освѣщенія. Молодой художникъ живо прочувствовалъ свой мотивъ и выполнилъ его весьма правдиво.

Охота за луной-рыбой на западныхъ берегахъ Ирландіи.

(Рис. на стр. 601).

Подъ именемъ Луны-рыбы извѣстна рыба очепь странной формы—совершенно круглой, съ короткимъ, сжатымъ туловищемъ и съ широкимъ, какъ бы обрѣзаннымъ, хвостомъ. Кожа Луны-рыбы толста и жестка, грязного сѣро-коричневаго цвѣта. Длина ея достигаетъ семи футовъ, а вѣсъ взрослыхъ убитыхъ экземпляровъ иногда равняется болѣе пежели 60-ти пудамъ. Луна-рыба водится въ большомъ количествѣ въ Средиземномъ морѣ, но ея также не мало и у западныхъ, скалистыхъ береговъ Ирландіи, где и происходитъ постоянная охота за ней, составляющая любимый родъ мѣстнаго спорта.

„При хорошей погодѣ, говоритъ одинъ англійскій наблюдатель, можно часто замѣтить Луну-рыбу какъ бы спящую на поверхности моря; неподвижная она несетъ по волнѣ волнъ и со стороны можно подумать, что это мертвая рыба“. Жизнь и привычки этой рыбы мало изслѣдованы. Въ старину обѣ ней сложилось мнѣніе, что она часто въ водѣ хрюкаетъ какъ свинья и издаетъ свѣтъ, схожій со свѣтомъ свѣчки, но эти странныя свойства совсѣмъ не подтверждаются рыболовами.

Луна-рыба появляется у западныхъ береговъ Ирландіи вскорѣ по наступленіи теплого времени, и въ эту пору она здѣсь ходитъ цѣлыми десятками, тогда какъ позднѣе попадается лишь въ одиночку. Въ тихіе теплые дни она неподвижно грѣется на водѣ, не обращая никакого вниманія, что на ея спинѣ сидятъ чайки и клюютъ приставшихъ къ ней морскихъ паразитовъ.

Въ это время охотники пользуются каждымъ удобнымъ моментомъ и пускаютъ въ намѣченную жертву пулѣ за пулѣ; и если одна изъ нихъ попадетъ въ окончность спинной кости рыбы, то послѣдняя мгновенно начинаетъ дѣлать самыя невѣроятныя движенія. Такъ, она совершаетъ множество миментальныхъ оборотовъ, покрывая воду массой пѣнъ на большое пространство, но остается при этомъ большую частью на поверхности и тѣмъ даетъ охотнику возможность послать ей еще нѣсколько пуль. Но иногда Луна-рыба мгновенно исчезаетъ, оставляя по себѣ лишь широкій слѣдъ пѣнъ и крови. Впрочемъ это исчезновеніе бываетъ кратковременно и опытный охотникъ зорко смотрѣтъ на поверхность воды, зная навѣрное, что жертва отъ него не уйдетъ. Дѣйствительно, рыба вскорѣ появляется; но она не выплываетъ, а выскакиваетъ, и порою этой смертельный и высокий скачекъ производить не шуточное волненіе.

Получивъ пять или шесть пуль, рыба наконецъ окончательно умираетъ; тогда ее по просту захватываютъ крюкомъ, закрѣпля другой ея конецъ канатомъ и такимъ образомъ притаскиваютъ къ берегу. Охота на Луну-рыбу составляетъ болѣе удовольствіе, нежели прибыльное занятіе, такъ какъ, несмотря на свой большой вѣсъ и величину, она довольно малоцѣнна; изъ ея печени добывается жиръ очень мало; вареное ея мясо похоже на клей, а соленое издается отвратительный запахъ.

Растенія безъ земли и оплодотворяющій мохъ.

(Рис. на стр. 604).

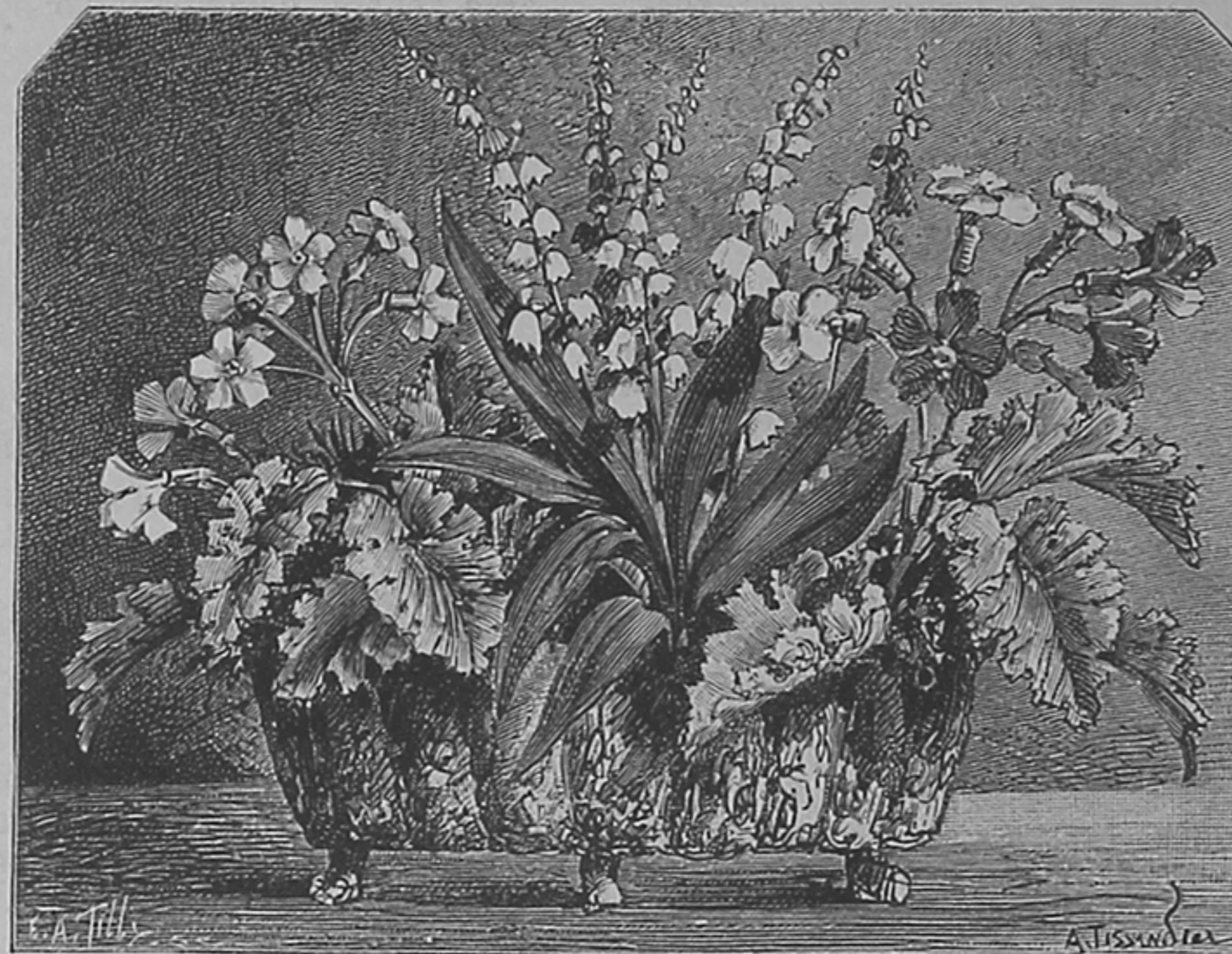
Воздѣлываніе цвѣтовъ безъ земли производится уже нѣсколько лѣтъ. Около 1875 г. докторъ Жаннель изобрѣлъ удобрительное минеральное вещество, при помощи котораго можно было воздѣлывать многія растенія на бездѣйственной почвѣ, состоящей большою частью изъ рѣчного песка; но для этой цѣли можно было употреблять и мохъ, какъ это сдѣлалъ садоводъ въ Руанѣ, Дюмениль.

Г. Шатэ, садоводъ въ Парижѣ, продаетъ мохъ, оплодотворенный способомъ Дюмениля. Вотъ способъ употребленія тако-

го мха: для украшения комнаты берут растение с красивыми листьями, или цветами, или же плодами, растущее в оранжереи, саду или на поле. Главное нужно обращать внимание, чтобы при вынимании из горшка или выкапывании не повредить корешков. Затем кладут растение корнями в тепловатую воду, чтобы земля отстала сама собою. Для этого легонько можно шевелить дном корнем, но не делать этого сильно, так как памокша и отяжелевшая земля отделяясь быстро, тяжестью своею отрывает тоненькие корни. Весь успех возделывания растения без земли зависит от целости корней. Затем в сосуд, предназначенный для растения, кладут слой приготовленного мха, сверху которого настилают немногого обыкновенного влажного мха, для того чтобы корни растения не прямо прикасались к мху препарированному. Растение вынимается из воды и корни его укладываются на мх, послев чого снова кладется слой препарированного мха и его слегка нажимают. Мх оплодотворяющий, положенный сверху, действует лучше всего. За неимением обыкновенного мха, препарированный мх промывают водой и тогда на нем укладываются корни. Посадка заканчивается поливкой мха до тех пор, пока вода не пройдет насквозь. Если посадка сделана хорошо, то растение скоро принимается и также хорошо сохраняется как и в земле.

В начале зимы — времени покоя растений, следует уменьшать количество оплодотворяющего мха и увеличивать немного верхний слой, но мх развиется растения.

Для того, чтобы растение скорее принялось послев посадки,

Растение без земли и оплодотворяющий мх.

его следует ставить в месте защищенному от воздуха и сквозного ветра. Различные растения живут очень хорошо в песке, толченом угле, а также и во мхе, при условии поливки одного или двух раз в неделю, двумя, тремя чайными ложками состава, рецепт которого помещается ниже. Но при этой поливке необходимо также поливать иногда и водой чистой, по преимуществу дождевой или речной.

Состав Жаннеля следует употреблять только в период замедленного роста растения; с началом его роста постепенно увеличиваются дозы поливки и вышеописанное количество берется только тогда, когда растение достигло наибольшей деятельности. Во время покоя поливаются только одной чистой водою.

У доктора Жаннеля есть два рецепта состава, но следующий самый лучший: 380 грамм аммиачного азотата; 300 гр. чистой двуфосфорнокислой амониачной соли; 260 гр. азотата поташа; 50 гр. тонкого порошка двуфосфорнокислой известковой соли; 10 гр. сирнокислого железа (купороса). Всего 1000 частей.

Все это нужно истолочь в порошок, смешать и сохранять закрытым. Смесь разбавляется водою от 1 до 3 грамм на литр воды.

Поливая растения этим раствором часто и без меры, можно убить растение; накапливающиеся в искусственной почве соли станут ядом для корней. Поэтому то нужно очень умеренно употреблять удобрительные составы.

Кроме того, хотя доктор Жаннель и не упоминает об этом, но от времени до времени (напр. раз в месяц), следует обильно поливать водою песок или мх, чтобы устранить скопление солей, не принятых растениями.

Политическое обозрение.

Турци.—Албанцы.—Критяне.—Египет.—Англия.—Франция.

Сопротивление албанцев территориальным уступкам в пользу Черногории, начавшееся стычками с черногорцами, перешло теперь уже в открытое восстание против султана, восстание, охватившее католическую часть нации. Пограничные племена: кастанти, хоти и молиссары вступали в схватки с турецкими войсками, выселявшимися для их усмирения. 2-го и 3-го июня происходили кровопролитные столкновения, которых, однако, как слышно, окончились не в пользу регулярных войск, так как турецкий военачальник, Гафиз-Паша, пытался вступить в переговоры с племенами. С того времени столкновение приняло более серьезный характер; так, 7-го июня, восемь батальонов турецких войск напали с двух сторон на молиссаров, послев чего завязалась кровопролитная битва, возобновившаяся на другой день; турецкие войска пользовались поддержкой одного военного корабля; другое сражение происходило с племенем кастратти, которые помешали низамам направиться в Тузи; стычки возобновлялись несколько раз с большими потерями с обеих сторон; низамы окопались в Бойце.

Не в ладах Порта и с критянами. Христианские члены генерального совета обращались к турецкому правительству с несколькими предложениями, которые были отвергнуты; они просили, между прочим, о преобразовании генерального совета, согласно потребностям страны, о том, чтобы Порта отказалась от права изменять законы, уставы и бюджет, оставил за собой только утверждение или непринятие; о том, чтобы сессия совета продолжалась не 40 дней, а не менее двух месяцев и не более трех, о предоставлении таможенных доходов острова и пошлины на соль, табак и гербовую в пользу центральной кассы острова, с уплатой в императорское казначейство определенной, по соглашению между собранием и генераль-губернатором, суммы и т. д. Порта, как мы сказали, отвергла эти требования, согласившись только на усиление совета двумя христианскими и двумя мусульманскими членами. В настоящее время известны уже подробности сражения, в котором египетский генерал Гикс разбил войска Махди, лже-пророка, поднявшего в Судане восстание против хедива. Мятежники, в числе 5 тысяч человек, находились под командой Омер-Макушига и шейха Эль-Араке, недавно посланных лжепророком в Кордофан для принятия начальства над экспедицией; эти оба начальника были убиты в начале

сражения, и непрятельская армия, разбитая и обращенная в бегство, была, на большом пространстве, преследуема картечью победителей. Египтяне чрезвычайно раздражены против своих благодетелей — англичан, о чем мы не раз сообщали читателям; общее чувство ненависти к ним парода сдерживается только присутствием войск королевы Виктории; и ныне, патроты составили заговор, имевший целью изгнать эти войска и, вообще, англичан, а с ними, кажется, всех иностранцев; уверяют, будто и план готов. Какой бы план ни был составлен, но, конечно, египтянам не удастся выгнать Англию. Сыны Альбиона еще не отказались от своего плана провести новый канал в Суэз, несмотря на то, что право Лессенса на монополию подтверждено. Сам Лессенс, желая предупредить и прекратить эти английские вожделения, составил свой проект второго канала; он предполагает температурный канал оставить и устроить посередине его плотину, так чтобы суда могли по одной стороне подниматься вверх, а по другой — идти вниз; но проект этот, конечно, не встретил сочувствия у англичан, считающих его недостаточным для постоянно возрастающего движения судов и признающих безусловно необходимым сооружение второго канала, который находился бы совершенно в английских руках и, таким образом, лучше обеспечивал бы для Англии путь в Индию, чем канал, находящийся в руках Франции. По мнению англичан — никакая сделка, построенная на таком основании, не может называться удовлетворительной для английского народа и министерство иностранных дел не позволит ввести себя в заблуждение мнимой уступкой Лессенса. „Никакое расширение канала — говорят они — и никакое исправление тарифов не может удовлетворить, в данном случае, нашим потребностям, пока наша, постоянно возрастающая, торговля будет в зависимости от компании Суэзского канала и пока могут быть остановлены важнейшие движения наших морских и сухопутных сил, как это случилось в прошлом году в Египте. Английское правительство нарушило бы свои обязанности в отношении к нации, если бы согласилось выменять „на чечевичную похлебку“, предлагаемую ему теперь, наше право сообщения с Востоком.“ Новый свидетель говорит, будто Лессенс сходит со своим соперником — на какой почве, трудно понять.

В комиссии английского парламента, назначенной для разсмотрения проекта Ламанского туннеля, происходили недавно

препія по этому вопросу, показавшія тотъ страхъ, который англичанамъ внушаетъ мысль о французскомъ нашествіи; нѣкоторые изъ военныхъ специалистовъ объявили прямо, что туннель невозможенъ, что онъ поставилъ бы отечество въ страшно- опасное положеніе, что его сооруженіе было бы „безуміемъ“, другое, менѣе боязливые (и въ томъ числѣ тоже нѣкоторые изъ военныхъ), дали отзывъ, не столь неблагопріятный, указывая огромныя выгоды туннеля для англійской торговли; туннель, если онъ будетъ сооруженъ, обойдется въ 3 миллиона фунтовъ стерлинговъ.

Французы заняты, по прежнему, своей тонкинской экспедиціей, которая такъ неудачно началась у нихъ; теперь они продолжаютъ посыпать новыя войска и наряжать военные суда; морской министръ, въ совѣтѣ министровъ, сообщилъ, что губернаторъ Кохинхины выслалъ въ Ханой подкрепленія, такъ что гарнизонъ тамошній простирается теперь до 1500 ч., не

считая солдатъ, которые могутъ быть высажены, въ случаѣ надобности, эскадрой; комендантъ Ханоя утверждаетъ, что начальникъ аннамитскихъ войскъ состоить принцъ Левангъ, братъ императора Ту-Дука; не смотря, однако, на все это, французы увѣряютъ, будто бы Ту-Дукъ прислалъ посланника для мирныхъ переговоровъ, а китайцы вовсе не показываютъ желанія начинать войны,—адмираль Мейеръ сообщилъ въ Парижъ, что въ дельтѣ Красной рѣки нѣть китайскихъ регулярныхъ войскъ, а французскій консулъ въ Кантонѣ увѣдомилъ, что китайское правительство не дѣлаетъ никакихъ военныхъ приготовленій. Въ Мадагаскарѣ столкновеніе идетъ своимъ чередомъ: французы разрушили всѣ города съверо-западнаго берега, гавасскій гарнизонъ выказалъ много храбрости, но, конечно, не могъ устоять противъ огня французской эскадры; предстоитъ, говорятъ, бомбардированіе Тиматаве. Предводитель инсургентовъ въ Южномъ Алжирѣ, Си-Слиманъ, выразилъ покорность.

СМѢСЬ.

Коммісія по устройству конкурса на сооруженіе памятника поэту М. Ю. Лермонтову въ г. Пятигорскѣ объявляетъ новый (третій) конкурсъ на идею этого памятника на слѣдующихъ условіяхъ:

Проекты представляются на конкурсъ исключительно скульптурные-эскизы.

Величина всей модели должна быть не менѣе одного аршина.

Стоимость памятника не должна превышать 35,000 рублей. За лучшее произведеніе назначается одна премія въ 1000 рублей, съ тѣмъ, чтобы авторъ премированной модели исполнилъ и окончательный проектъ памятника, фигура коего должна быть размѣромъ не менѣе одного аршина.

Срокъ конкурса истекаетъ въ два часа пополудни 15 октября 1883 года.

Проекты доставляются въ помѣщеніе Общества Поощренія Художествъ, въ С.-Петербургѣ, гдѣ будутъ выставлены для публики въ теченіи двухъ недѣль.

Модели должны быть подъ девизомъ, при которомъ, въ запечатанныхъ конвертахъ, подъ тѣмъ же девизомъ, должно находиться имя, фамилія и адресъ автора.

Члены Комиссіи и жюри не могутъ конкурировать.

Непремированные произведения, вмѣстѣ съ невскрытыми девизными конвертами, возвращаются предъявителямъ квитанцій или соответствующихъ имъ почтовыхъ расписокъ, до 15 ноября сего 1883 года.

Бамбу́къ какъ ядовитое растеніе. На своей родинѣ, Явѣ, бамбу́къ совсѣмъ не считается такимъ невиннымъ растеніемъ какъ у насъ въ Европѣ. Яванцы даже употребляютъ его сокъ какъ орудіе мщенія противъ враговъ; для этой цѣли надрѣзываютъ бамбу́къ и извлекаютъ, посредствомъ остраго инструмента, изъ надрѣзанной чашечки маленькая черная волокна, заключающія въ себѣ, непримѣтная для простаго глаза, косточки. Въ этихъ-то волокнахъ и заключается самый страшный ядъ, противъ котораго еще не найдено никакого цѣлебнаго средства. Яванцы примѣшиваютъ эти волокна къ напиткамъ и къ пищѣ, но они не поступаютъ прямо въ желудокъ, а останавливаются въ горлѣ и попадаютъ въ дыхательные органы, производя мучительный кашель и воспаленіе легкихъ. Дѣствие яда на животныхъ также быстрое и смертельное.

Журнальная пресса во Франціи. По историческимъ статистическимъ даннымъ, обнародованнымъ недавно въ „Annuaire de la Presse“, въ Парижѣ, въ концѣ 1881 года существовало 1,343 журнала, тогда какъ въ 1880 году ихъ было лишь 1,316. Политическихъ журналовъ въ этомъ числѣ показано 71 и они распределены слѣдующимъ образомъ, по ихъ политическому направленію: республиканскихъ 46, легитимистскихъ 10, орлеанистскихъ 10 и бонапартистскихъ 5. Прочіе журналы были самаго разнообразного содержанія; такъ, по аэростатикѣ выходило 2 журнала: по страхованию 18; по библиографіи 24; по желѣзодорожному дѣлу 10; по финансамъ 209; иллюстрированныхъ 88; по типографскому искусству 7; по морскому дѣлу 8; по бумажному производству 6; по фотографіи 5; по спорту 21; технологии 32; театру 13; винодѣлію 5 и по устройству браковъ 2. Число провинциальныхъ журналовъ въ это же время возросло до 2939.

Черные карлы. Между воинственными людьми Балуба въ Конгобекѣ живетъ, по сообщенію Сталлея, Паге и Висмана, совершенно изолировано племя маленькихъ, тощихъ, грязныхъ и дикихъ людей, которое называется Батуа или Батва; оно, какъ надо полагать, составляетъ коренныхъ жителей этой страны. Батуа живутъ отдельными семействами или небольшими деревеньками въ южныхъ соломенныхъ хижинахъ; ничего не воздѣлываютъ, живутъ охотой и дикорастущими плодами; дома держать только по нѣсколько куръ. Оружіе ихъ въ высшей степени первобытно; желѣзныя стрѣлы встречаются только изрѣдка.

Сталлей, во время своего путешествія по восточной Африкѣ въ 1876 году, узналъ, что на западѣ обитаетъ раса карликовъ, ростъ которыхъ не болѣе 2-хъ футовъ. Позднѣе въ Виканду онъ имѣлъ случай ознакомиться съ этими людьми и сообщаетъ слѣдующее. Въ среду 25-го декабря 1876 года одинъ изъ карликовъ былъ пойманъ близъ города въ густомъ кустарнике. На немъ былъ лукъ, а въ рукахъ онъ держалъ колчанъ съ 20-ю маленькими стрѣлами. Это былъ въ высшей степени достойный вниманія воинъ. Ничего подобнаго къ себѣ и не представлять, увидѣвъ передъ собой этого маленькаго,

безобразнаго, дрожащаго отъ страха человѣка. По нашимъ измѣреніямъ онъ былъ вышеиной въ 1,384 метра; обхватъ груди равнялся $\frac{3}{4}$ метра, обхватъ талии — $\frac{3}{5}$ метра. Голова большая, безобразная; лицо отвратительное, нижняя челюсть сильно выдается впередъ и покрыта тощей бородкой; кожа свѣтло-шоколаднаго цвѣта. Ко всему этому ноги у него были въ высшей степени худыя и кричали. Я сначала принялъ его за урода, но вспомнивъ про племя карликовъ, Батуа, спросилъ проводника, не изъ этого-ли онъ племени. Тотъ отвѣчалъ, что Батва, которыхъ онъ знаетъ, на цѣлую голову ниже его, по что онъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ нихъ. Но цвѣту кожи онъ похожъ на тѣхъ, которые живутъ на западѣ отъ Укума, но тѣ имѣютъ длинныя, прямыя бороды и густыя баки. Оружіемъ ихъ, также какъ и этого карлика, служить лукъ и маленькая камышевая стрѣла съ острыми концами, окрашенная густымъ слоемъ черной краски съ отвратительнымъ запахомъ шпанскихъ мухъ; нѣкоторыя изъ нихъ были обвернуты листьями. Чтобы узинуть какою цѣлью это сдѣлано, я, разматривая одну изъ нихъ, сдѣлалъ видъ, что хочу уколоть себѣ руку стрѣлой, вымазанной черной массой. „Маби, маби!“ (опасно) воскликнулъ Батва, что заставило меня убѣдиться, что она ядовита.

Дуэль женщинъ. Дамы, въ настоящее время, кромѣ спорта, начинаютъ уже драться на рапирахъ и эспадонахъ. Въ Римѣ основанъ дамскій фехтовальный клубъ. „Итальянская газета“ сообщаетъ слѣдующее характерное извѣстіе: „Вчера 11-го въ Боско-Сакро, передъ воротами С. Себастіяно состоялась дуэль на шпагахъ между контессой Эмиліей *** и дѣвицей Клотильдой ***. Тотчасъ послѣ первого приступа контесса получила легкую рану въ плечо и, несмотря на то, что вся рука ея была окровавлена, она продолжала драться. При второмъ нападеніи дѣвица Клотильда получила рану въ лобъ. Рана была опасная, но находившіяся здѣсь врачи приняли своевременно мѣры. Обѣ противницы были въ высшей степени хладнокровны и мужественны во все времена дуэли. Секундантами у контессы *** были: маркиза X. и баронесса A.; а со стороны синьорины Клотильды—синьора E. P. и синьора C. I.

Новая пушка. Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ присутствіи многихъ опытныхъ моряковъ, подъ руководствомъ самого изобрѣтателя г-на Готлинга, происходили испытанія вновь изобрѣтеннаго имъ орудія. Новая система дала самые блестящіе результаты; оказалось, что по силѣ и мѣткости она превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстные виды оружія: такъ, отдѣльная гильза, заключающія въ себѣ каждая по 104 патрона, расходуются меньше чмѣръ въ три секунды; восемь же гильзъ, т. е. 832 патрона — въ 42 секунды. Залпы въ 30 патроновъ оказалось возможнымъ давать въ $\frac{6}{10}$ минуты, а 6000 непрерывныхъ выстреловъ всѣ, безъ исключенія, попадали въ цѣль.

По словамъ изобрѣтателя, каждая пушка, дѣйствующая на разстояніи 3000 ярдовъ, можетъ дать въ минуту до 1200 выстреловъ, попадающихъ такъ мѣтко въ цѣль, что противъ нихъ не могутъ устоять, не говоря уже о людяхъ и лошадяхъ, ни каменные стѣны, ни земляные укрѣпленія; кромѣ того, механизмъ пушки таковъ, что онъ каждую минуту могутъ быть поворачиваемы въ разныя стороны и давать выстрелы по всѣмъ направленіямъ.

Вообще, специалисты военного дѣла очень высоко цѣнятъ новое изобрѣтеніе г-на Готлинга: они говорятъ, что оно настолько усовершенствовано противъ прежнихъ системъ, насколько первыя пушки были полезнѣе старинныхъ ружей и алебардъ.

Заявление.

Контора журнала „Нива“ покорнейше просить тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, потратиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на получение преміи, большой картины Профессора В. И. Якобія „Король-женихъ“, слѣдующей только гг. годовымъ подписчикамъ.

Банкротство Сарры Бернаръ. Громадные сборы, которые Сарра Бернаръ дѣлала во время своихъ артистическихъ поѣздокъ и которые исчисляются минимумъ въ три миллиона, позволяютъ думать, что артистка обладаетъ значительнымъ капиталомъ; на самомъ-же дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Ея легкомысліе и рассточительность сдѣлали то, что она не только не имѣть никакого капитала, а еще надѣлала громадныхъ долговъ. Кредиторы ея до сихъ порь возлагали надежды на брилліанты и драгоцѣнности Сарры Бернаръ, продажа которыхъ могла-бы покрыть всѣ долги, но теперь и эта надежда оказалась тщетной. Недавно стало известнымъ, что нѣкто Блихъ ссудилъ ей подъ залогъ этихъ драгоцѣнностей 180 тысячъ франковъ. Кредиторы, однако, не вполнѣ вѣрятъ этому и предполагаютъ, что артистка вступила въ какую нибудь сдѣлку съ Блихомъ.

Улица Амелотъ въ Парижѣ. Между улицами ремесленного квартала Парижа, особенного вниманія заслуживаетъ улица Амелотъ — центръ мебельного производства этого города, въ которой группируются лучшія мастерскія изящныхъ бронзовыхъ вещицъ, часовъ и роскошной мебели изъ розового и чернаго дерева съ инкрустацией. Мастера улицы Амелотъ уже много лѣтъ известны всему миру своимъ вкусомъ и доведеніемъ до совершенства отдельной выходящихъ изъ ихъ рукъ издѣлій; главная же ихъ специальность — воспроизведеніе мебели и другихъ вещей по стариннымъ образцамъ прошлыхъ вѣковъ, которое они и выполняютъ съ неподражаемымъ искусствомъ.

Такъ, недавно, въ одной изъ мастерскихъ на нашихъ глазахъ были сдѣланы прелестные стѣнныя часы — эпохи Людовика XIII изъ бронзы съ черепаховой отдѣлкой и хрупкимъ, стекляннымъ циферблатомъ съ крупными римскими цифрами, украшенные на верху медальономъ съ фамиліей одного изъ старинныхъ часовщиковъ мастеровъ.

Фасонъ, отдѣлка, все, до мельчайшихъ деталей, было исполнено такъ безукоризненно и вѣрно старинѣ, что даже опытные знатоки разныхъ древностей не хотѣли вѣрить, что эта вещица действительно сдѣлана современными людьми.

Одну изъ такихъ мастерскихъ, именно № 73, въ улицѣ Амелотъ, очень любилъ посещать въ свободныя отъ государственныхъ дѣлъ минуты, президентъ французской республики — старицѣ Тьеръ — страстный любитель и рѣдкій цѣпитель всего прекраснаго и изящнаго. По словамъ хозяина мастерской, знаменитаго дипломата такъ заинтересовалась эта отрасль французской промышленности, что онъ цѣлые часы просиживалъ въ душной мастерской, на простой деревянной скамье, любуясь на ловкія руки какого-нибудь подмастерья, выѣзывающаго мудреный механизмъ старинныхъ часовъ.

Объ образованіи моря въ Африканской пустынѣ Сахарѣ. Командированный французскимъ правительствомъ для отысканія слѣдовъ моря на Сахарѣ, подполковникъ Рудэръ, около года тому назадъ, вернулся на родину и представилъ на разсмотрѣніе особой комиссіи результаты своихъ изысканій. Послѣ продолжительного обсужденія, члены комиссіи рѣшили, что полученные свѣдѣнія слишкомъ ничтожны для продолженія такого крупнаго предпріятія, которое потребуетъ массу хлопотъ и еще болѣе денегъ, да и вообще, едва ли, даже въ самомъ далекомъ будущемъ, можетъ окончиться успѣшно. Послѣ такого благоразумнаго рѣшенія начальства, Рудэръ, за неимѣніемъ собственныхъ средствъ, не оставилось ничего болѣе, какъ навсегда отказаться отъ своей любимой мечты, такъ какъ онъ лично былъ твердо убѣженъ въ благопріятномъ исходѣ предпринятыхъ работъ, и начать пріискивать себѣ другія занятія.

Между тѣмъ, въ одномъ обществѣ, ему совершенно случайно пришлось встрѣтиться со знаменитымъ Фердинандомъ Лессепсомъ.

Новые знакомые очень скоро сошлись и Лессепсъ съ большимъ интересомъ выслушалъ мнѣніе своего собесѣдника о затѣянномъ предпріятіи, чѣмъ не мало уѣшилъ разочарованнаго послѣдними неудачами молодаго техника. А дни черезъ два послѣ описаннаго вечера, Рудэръ уже получилъ отъ своего новаго знакомаго письмо слѣдующаго лаконическаго содержанія: „Я вполнѣ одобряю Ваши планы, нисколько не сомнѣваясь въ блестящемъ успѣхѣ, и желаю, на собственные средства, помимо Правительства, продолжать начатыя изысканія. Вотъ Вамъ 200,000 франковъ; располагайте ими какъ Вашей собственностью и взявъ себѣ въ помощники лучшихъ моихъ инженеровъ, какъ можно скорѣй отправляйтесь въ путь“.

Обрадованный Рудэръ тотчасъ же принялъ сдѣланное ему предложеніе и, такимъ образомъ, вопросъ о Сахарскомъ морѣ сразу значительно подвинулся впередъ.

Теперь въ этомъ дѣлѣ принялъ участіе такой даровитый и предпримчивый человѣкъ, какъ строитель Суэзскаго и Панамскаго каналовъ, котораго деньги и опытность уже много разъ дѣлали чудеса тамъ, гдѣ разныя комиссіи видѣли только несбыточныя мечты и непроизводительныя затраты.

До сихъ порь, начатыя Рудэромъ работы идутъ такъ успѣшно, что на дняхъ Лессепсъ самъ отправился въ Африку, чтобы лично взглянуть на закипѣвшую работу.

Передъ отѣздомъ въ Марсель, онъ откровенно высказалъ редактору газеты „Вольтеръ“ свои надежды и дальнѣйшіе планы:

„Я ѿду туда на мѣсяцъ и надѣюсь, что, по истеченію этого срока, вопросъ о существованіи Сахарскаго моря будетъ категорически решенъ; вмѣстѣ со мной отправляются: инженеръ Суэзской компаніи и человѣкъ шесть подрядчиковъ, также желающихъ попытать счастья. Мы сперва побываемъ въ Габессѣ, затѣмъ осмотримъ работы Рудера по канализаціи Шоттовъ, и если окажется, что его донесенія — не преувеличены, тоговорю не шутя — успѣхъ несомнѣнъ.“

„Еще очень недавно всѣ утверждали, что Шотты лежать выше уровня моря, а я убѣжденъ въ противномъ; далѣе, признали невозможнымъ осушеніе болотъ, вслѣдствіе каменистаго грунта, а наши опыты буренія почвы, сдѣланнныя на значительной глубинѣ, доказали, что она вся состоитъ изъ чистаго песку. Впрочемъ, не надо упускать изъ виду, что всѣ прежніе выводы были сдѣланы комиссию изъ 82 ученыхъ, которые, основываясь на одной теоріи, способны всякую гипотезу выдавать за непреложную истину. Я уже давно провожу мысль, что въ глубокой древности, можетъ быть лѣтъ за 1000 до Рождества Христова, отыскиваемое нами море существовало на мѣстѣ теперешнихъ Шоттовъ и проливомъ соединялось съ Океаномъ.“

„Недавно, я получилъ письмо отъ эмира Абдель-Кадера, величающаго меня чуть ли не пророкомъ XIX вѣка и привѣтствующаго какъ благодѣтеля края. Онъ обѣщаетъ намъ содѣйствіе и сочувствіе подвластныхъ ему шейховъ и пашей, а про туземцевъ говорить, что они наконецъ поняли, какія выгоды можно будетъ ожидать со временемъ, если наши работы приведутъ къ ожидаемымъ результатамъ.“

Основываясь на такомъ твердомъ убѣждѣніи Лессепса, можно заранѣе предсказать затѣянному дѣлу полный успѣхъ. Кому другому, а Лессепсу до сихъ порь всегда улыбалось счастье: дай Богъ, чтобы оно и на этотъ разъ не измѣнило ему для пользы и блага человѣчества!

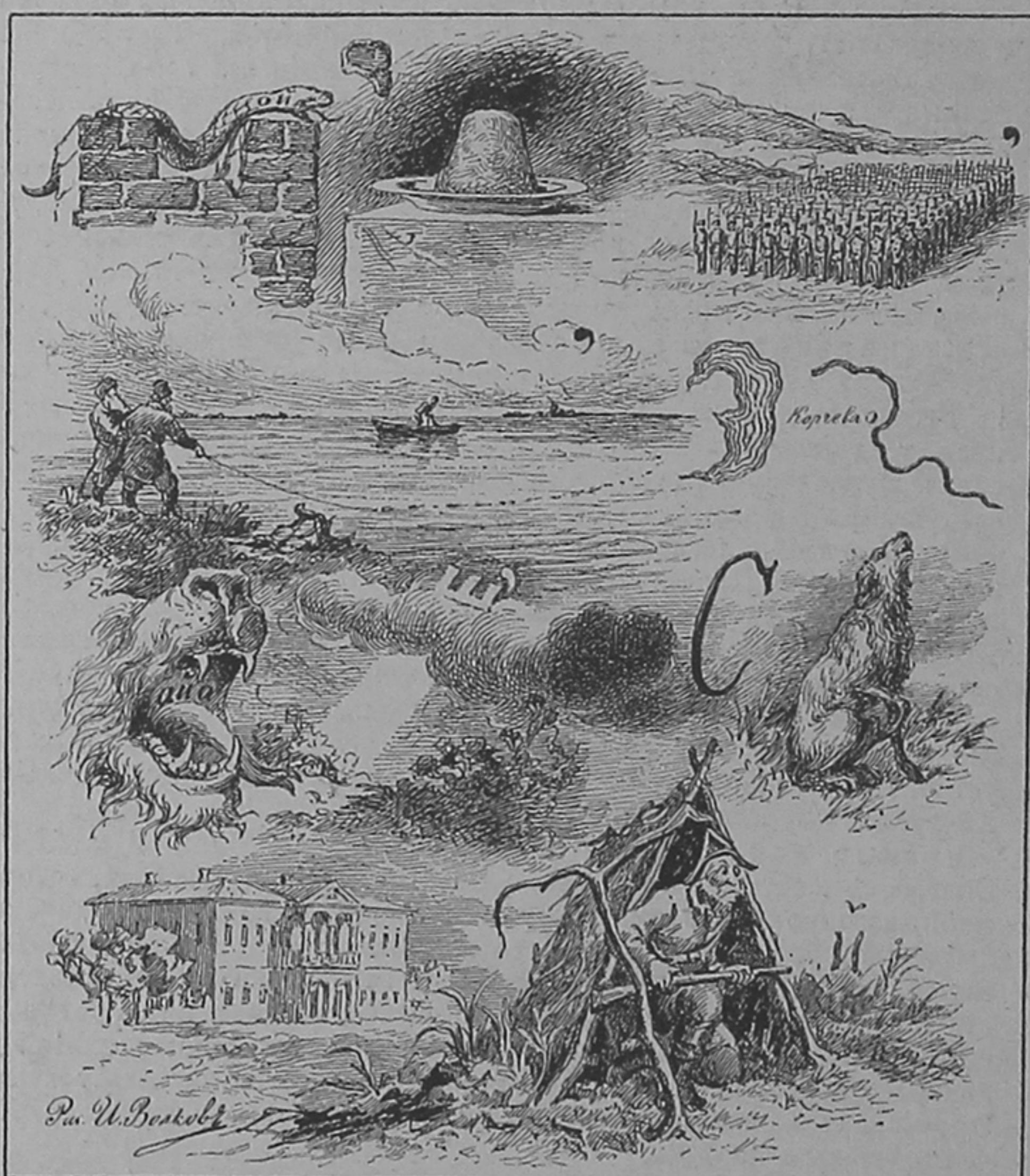
Этина. Страшное и вмѣстѣ съ тѣмъ и великолѣпное зрѣлище, представшее въ послѣднее изверженіе Катанійскаго вулкана, такъ величественно-эффектно, что достойно кисти художника или пера поэта.

Каждые 4—5 минутъ изъ кратера выбрасывались съ оглушительнымъ трескомъ, сперва исполненіе потоки лавы, огненной лентой обвивающейся вокругъ конуса, а потомъ куски раскаленныхъ минераловъ, пропитанныхъ сѣрной кислотой, вмѣстѣ съ клубами мельчайшей золы, изобилующей известковыми веществами и ярко свѣтящими въ темнотѣ кристаллами.

Залитый огнемъ кратеръ, напоминающій колоссальныхъ размѣровъ факель, въ ясныя ночи былъ виденъ на много миль въ окружности, а клокотанье расплавленной массы, при благопріятномъ вѣтрѣ, было слышно въ самой Катаніи.

Замѣчательно, что одновременно съ изверженіемъ Этны, въ Патернѣ начались мѣстныя, иловыя изверженія, продолжавшіяся на этотъ разъ очень недолго,—всего нѣсколько часовъ, а въ Катаніи обнаружены необыкновенные, метеорологическія пертурбации; было основаніе предполагать, что такое совпаденіе довольно рѣдкихъ въ послѣднее время явлений находится въ прямой зависимости отъ особаго пепормального состоянія атмосферы.

РЕБУСЪ. Задача № 33.

Рѣшеніе ребуса № 26.

Иная то матушка себѣ сама на горе калѣчить ненаглядное чадушко: избалованный дѣточки ужъ какая для семьи подпора.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ Г. г. Герхенъ и И. М. К.—на вѣнгрии.

О ПЕРЕМЪНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: Ермоловскія ванны въ Пятигорскѣ (съ рис.).—Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣй). Исторический романъ Всеволода Соловьева. Ч. I, гл. VII, VIII и IX.—Пажъ Густава-Адольфа. Исторический разсказъ Конрада Мейера.—Новѣйший видъ спорта—велосипедъ. Очеркъ.—Зоологический садъ въ С.-Петербургѣ (съ 2 рис.).—Бабочка (съ рис.).—Цыганскій таборъ (съ рис.).—Видъ въ Могилевской губ. (съ рис.).—Охота за луной-рыбой (съ рис.).—Растенія безъ земли и оплодотворяющій мохъ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Заявленіе.—Задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый ловий подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшия въ 1883 г. №№ „ППВЫ“ со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстныи свойствами предотвращающими прѣнѣ частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, Гальманинъ продаєтъ въ аптекахъ, а также у дроиствовъ значительныхъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. Главное депо находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владыца аптеки, маистра фармации В. Карпинскаго, улица Электральна, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к. Нужно остерегаться поддельныхъ и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось облѣченіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г. В. Карпинскій маистръ фармакіи.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШ. МОРСКАЯ № 9.

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ,
Всеволода Соловьева.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургѣ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. иногор. 3 р. 50 к., въ красивомъ каленкоровомъ переплѣтѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ новымъ подписчикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтерьянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ приобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустимъ имъ это новое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 р.; въ каленкор. переплѣтѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“, въ Больш. Морской, д. № 9; и въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ Петровск. линії,—а также можно найти эту книгу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Издание А. Ф. Маркса. СПБ. Б. Морская д. № 9.

СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, Всеволода Соловьева. Большой томъ in 8—всего 672 стр., печатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньет. Романъ этотъ служитъ началомъ печатанія въ „НИВѢ“ романа „Вольтерьянца“, цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригиналномъ каленкоровомъ переплѣтѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Издание А. Ф. Маркса.

Большая Морская, № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть Вс. С. Соловьева. Сюжѣтъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова, изъ которыхъ выше помѣщенный одинъ рисунокъ даетъ понятіе объ ихъ достоинствѣ. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Новое Изобрѣтеніе

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейные машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ край. Подробный прейс-курантъ и пробная петля высыпаются бесплатно.

А. ШТЕЙНЪ,
СПБ.

Вознесенскій проспектъ д. № 21.
№ 2615

10—4

Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣтъ Акації) (Robinia Pseudoacacia)

стоять на той же степени, какъ и извѣстная міру спеціальности:

Maiglöckchen Г. Лозе, || Königin der Nacht Г. Лозе,
HELIOTROPE BLANC Г. Лозе, || BOUQUET CARMEN Г. Лозе,

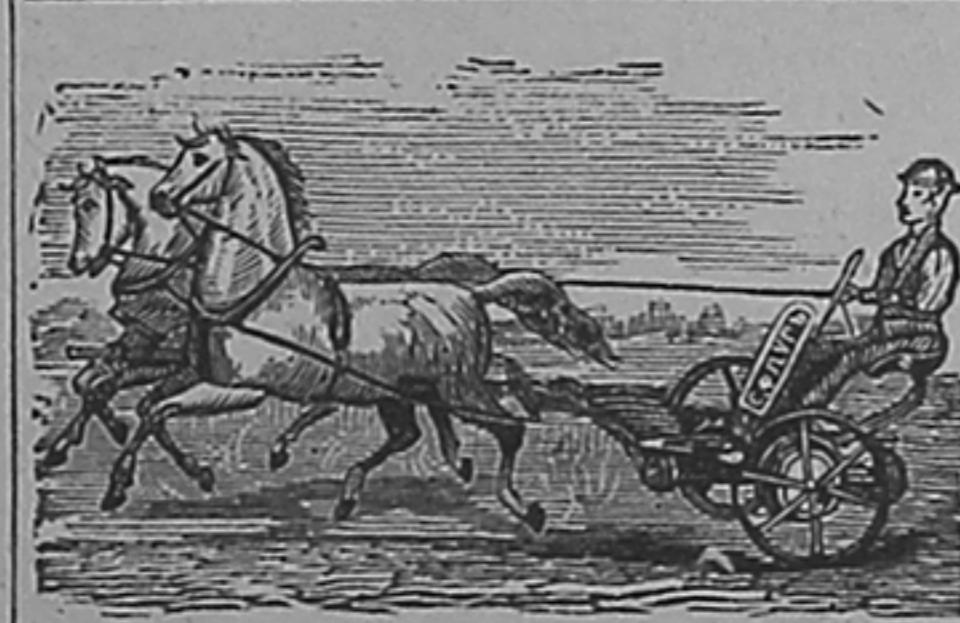
какъ отличные и для платковъ продолжительно пахучіе духи.

Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.

Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.

При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики.

St. № 2605 10—7

ныхъ, конныхъ и паровыхъ молотилокъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, бороноѣ, сѣялокъ и проч. Каталоги и свидѣтельства доброкачественности по востребованію бесплатно и

Самый большой и разнообразнейший складъ земледѣльческихъ машинъ и орудий. Новѣйшая американская сѣнокосилки и жатвенные машины Бунз. Чрезвычайно простой и прочной конструкціи. Особенно легки, такъ косилка вѣситъ всего 17, а жнея 21 пудъ.

ДЕПО МАШИНЪ

Эд. Флугъ.

С.-Петербургъ: Вознесенскій просп. № 11. Постоянная выставка и пробная станція машинъ: Петровскій паркъ, домъ Санть-Галли. Москва: у Красныхъ воротъ, домъ Раузера. Кромѣ того постоянно большой выборъ руч-

R. № 2700 3—2

КНИГИ прод. пок. пр. комис. кн. маг. (сущ. съ 1871 г.) Ал—дра Ильиша Овчинникова (б. учит. древ. яз.) Казань. Быв. библ. Рѣдкости.

МЫЛНАЯ ЭССЕНЦІЯ

ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ
(Русский Шампунъ).

Главный складъ въ С.-Петербургск. химической лабораторіи Ф. Линде, Невскій пр., № 23.

Подробное объявление помещено въ „Нивѣ“ въ № 21. № 2657 10—4

НОВАЯ КНИГА: ПЕТЕРБУРГСКІЯ СКАЗКИ МУХИ.

Издание Сократа Исакова въ Спб. Невскій № 54—Изящно изданный томикъ. Цѣна съ пересылкою 1 руб.

Сказки эти—рядъ юмористическихъ этюдовъ и очерковъ, напечатанныхъ въ разное время въ „Петр. листкѣ“ и имѣвшихъ громадный успѣхъ въ публикѣ. Эскизы написаны легкимъ, живымъ языкомъ и изображаются въ авторѣ близкое знакомство со всѣми закуслками столичной жизни.

Интересъ читателя возбуждается уже тѣмъ, что всѣ эти картинки писаны съ туру и представляютъ рядъ колхихъ, остроумныхъ и, подъ фирмой легкаго разсказа, серезныхъ, горькихъ обличій. № 2708 1—1

ИЖН. Магазинъ Товарищества**М. О. ВОЛГАФТ,**

Санкт-Петербургъ, Гостиный Дворъ, 17 и 18, въ Москвѣ, № 1-2.

ВОДОСНАБЖЕНИЕ.

Расчетъ и устройство водопроводныхъ трубъ и водоподъемныхъ механизмовъ, преимущественно относительно снабженія водою городовъ.
Сочиненіе инж. Кенига.

Переводъ съ дополн. П. Усова. Больш. томъ, 8 д. л., съ 166 пол. Ц. 4 р., съ пер. 5 р. Все разбирается здѣсь на основаніи новѣйшихъ усовершенствованій, съ научной точки зрѣнія, но популярно и доступно.

ТОВАРОВѢДЪНІЕ

сырыхъ продуктовъ и мануфактурныхъ издѣлій.

Соч. Ф. Лесгаста.

Изд. 2. 2 т., съ рис., 6 р., съ пер. 7 р. Задача этого труда заключается въ точномъ определеніи про- часовъ и роскошной мебели изъ роз- инкрустацией. Мастера улицы Амелотъ всему миру своимъ вкусомъ и доведенно- пойстъ — воспроизведеніе мебели и другихъ образцами прошлыхъ вѣковъ, которое они изражаемыемъ искусствомъ.

Такъ, недавно, въ одной изъ мастерски- были сдѣланы прелестные стѣнныя часы — эпо- бронзы съ черепаховой отдалкой и хрупкимъ, томъ съ крупными римскими цифрами, укр- далъономъ съ фамиліей одного изъ старинны-

Фасонъ, отдалка, все, до мельчайшихъ дѣтейрованный Журналъ для семейнаго чтенія. **ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ**

ЧИСЛЫ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 Г.**ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.**

ючающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 иностранныхъ и русскихъ источникахъ и личныхъ наблюденияхъ автора. Въ немъ наглядно описаны способы применения различныхъ устройствъ водостоковъ.

Одну изъ такихъ мастерскихъ, имѣющею любиль посвѣщать въ свободныя а — „Вольтеръянецъ“, больш. романъ Іокая — „Во время бури“,

минуты, президентъ французской республики — „Подъ землею“, пов. Авѣненко

страстный любитель и рѣдкій цѣнитъ спанская дворянинъ“ и др. произвед. современн. беллетристовъ,

также много статей популярно-научнаго содержанія по естество- знанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того без- платная **ПРЕМІЯ:** большая олеографическая картина проф. Имп. Акад.

Худ. В. И. Якобія — „ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Мор- ская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

Приготовлено и выпущено въ продажу для всей Россіи, новаго, высшаго сорта

„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“**„ИМПЕРАТОРСКОЕ“****Н. П. ЛАНИНА,**

Москва, Софійская набережная.

За РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ Н. П. Ланину были присуждены слѣдующія награды:

1. Серебряная медаль 1852 г.	8. Высочайшая благод. 1875 г.
2. Большая серебр. мед. 1860 "	9. Филад. выст. мед. 1876 "
3. Похвальный отзывъ. 1864 "	10. Филад. выст. мед. 1876 "
4. Малая серебр. мед. 1865 "	11. Пар. выст. поч. отз. 1878 "
5. Малая серебр. мед. 1869 "	12. Всероссійск. худож. - промышленная выставка, въ Москвѣ, 1882 года большая золотая медаль.
6. Бронзовая медаль. 1870 "	
7. Больш. золот. мед. 1872 "	

Привилегіи въ 1863 и 1872 годахъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено изъ русского винограднаго вина, безъ подмѣси иностраннаго, и не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

въ продажѣ подъ новымъ ярлыкомъ и съ бѣлой и розовой смолкой. Съ фабрики ящи- ками въ 60 и 30 бут. по 1 р. 50 к.

Количественный анализъ

важнейшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Сост. проф. Фогелемъ и Вейнъ.

Перев. съ 5-го нѣм. изд. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство это обнимаетъ со- бою всѣ болѣе употребительные способы анализа и при этомъ об- емного, количественного, столъ пригодного для практическихъ цѣ- лей. Самое изложеніе анализа въ видѣ задачъ и примѣровъ — даетъ возможность пользоваться имъ и лицамъ не подготовленнымъ.

Техническая механика

Риттера.

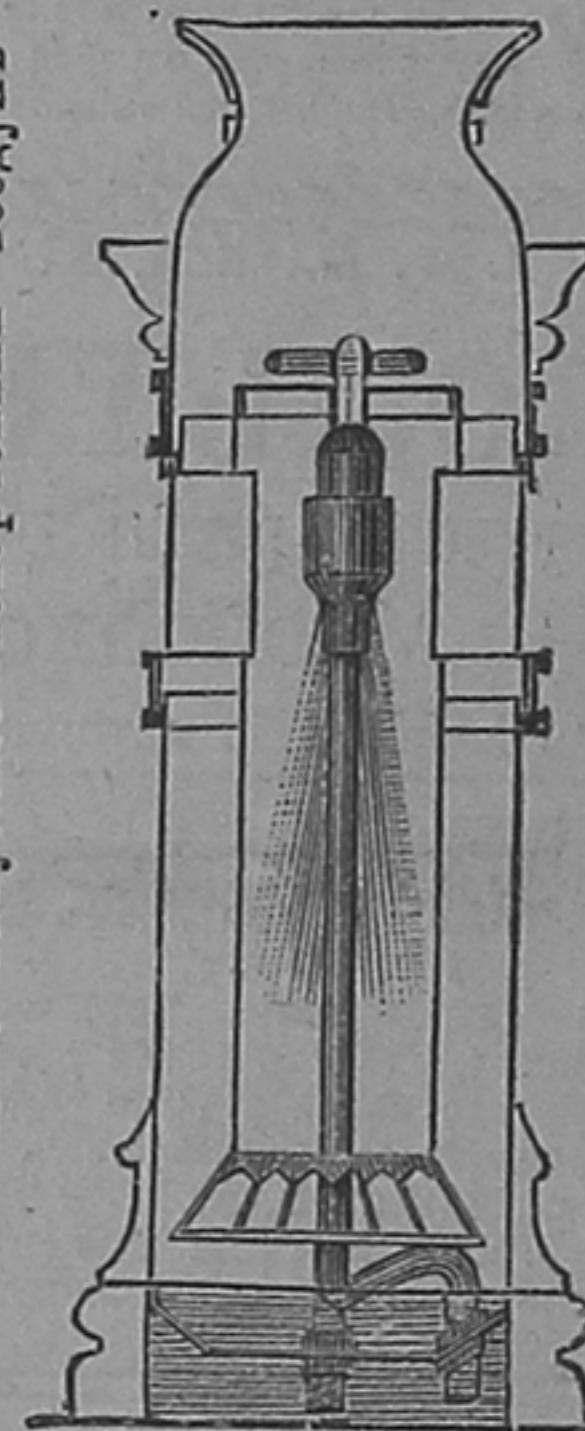
2 т., съ 726 полит. въ текстѣ. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Заключаетъ въ себѣ основныя понятия и основные законы меха- ники, механику матеріальной точки, статику твердаго тѣла, дина- мику, статику упругихъ тѣлъ, и т. п., съ результатами опытовъ, выводами и т. п.

Книжные магазины Товарищества М. О. Волга владѣ- ють большими запасами книгъ по части технологіи, ма- тематики и всѣхъ вообще отдельныхъ наукъ и литературы, на всѣхъ европейскихъ языккахъ, по цѣнамъ издателей. Исполн- еніе заказовъ скорое и аккуратное; пересыпка по почѣ и по железнѣй дорогѣ. Каталогъ русскіхъ книгъ Волга про- дается по 3 р., съ пер. 4 р.

Выкройки

Демонстрація изъ Парижа на весну и лѣто 1883. Иллюстрированный сборникъ въ 600 модныхъ грав. 1 р. 10 к. съ пер. И. ВАНОНЬ. Гороховая, № 9, въ бель-этажѣ. № 2564 2—2

ЭОЛУСЪ

Комнатный, фонтанный вентиляторъ, очищающій, охлаждаетъ воздухъ и дѣлаетъ его влажнымъ, также можно выпускать испорченный воздухъ

Въ складѣ воздушныхъ электрическихъ звон- ковъ и фильтръ

Винтергалтеръ и К°

у Казанскаго моста, по канавѣ, д. № 12.

EAU DE LYS**DE LOHSE.**

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе нѣжнымъ.

Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юношескую свѣжестъ.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладко и нѣжно.

Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.

Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ.**БЕРЛИНЪ,**

поставщикъ Ея Величества Им- ператрицы Германіи.

Требовать у всѣхъ парфюмеровъ парикмахеровъ etc. etc. у насъ и границей.

Eau de Lys de Lohse № 2604 1

Издание А. Ф. Маркса въ СПБ.

Тип. А. Ф. Маркса, Прачечн. пер., № 5.

